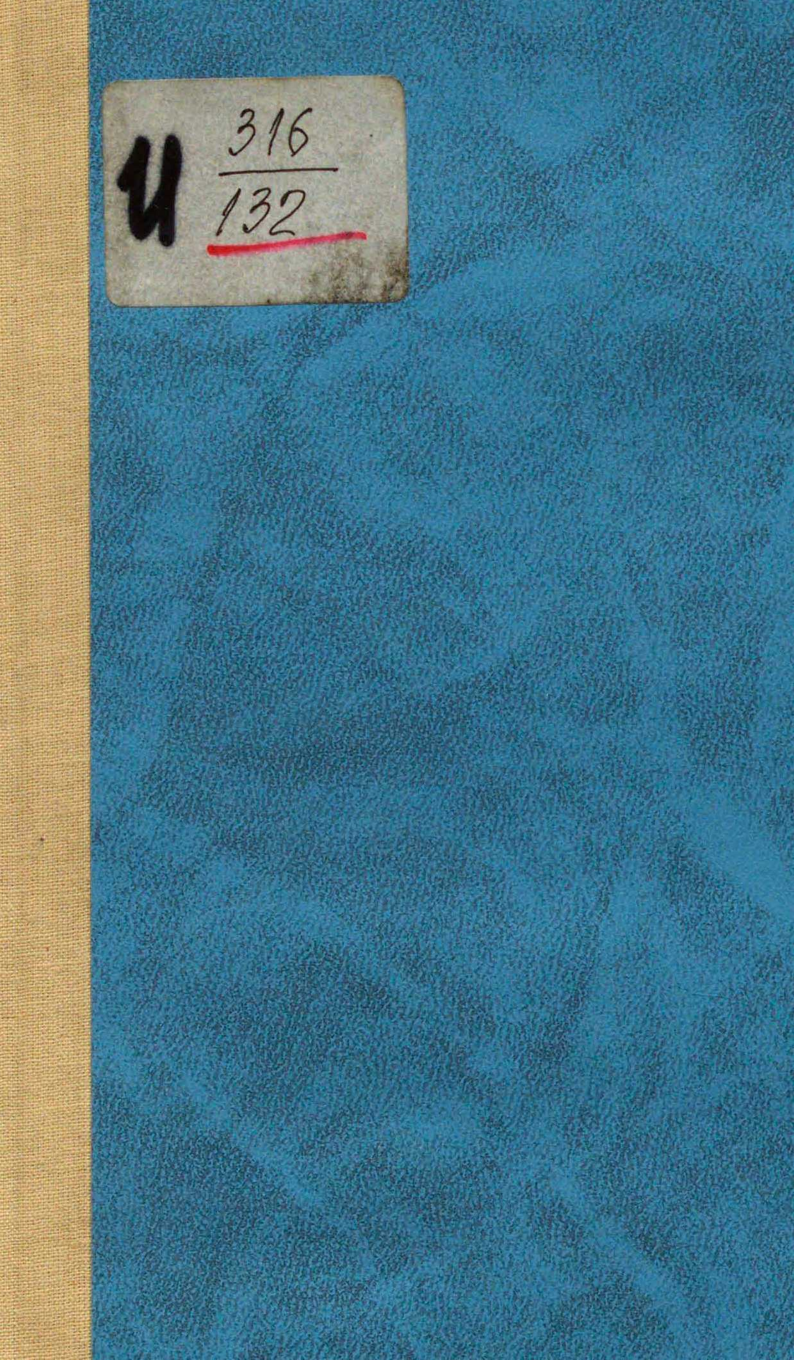
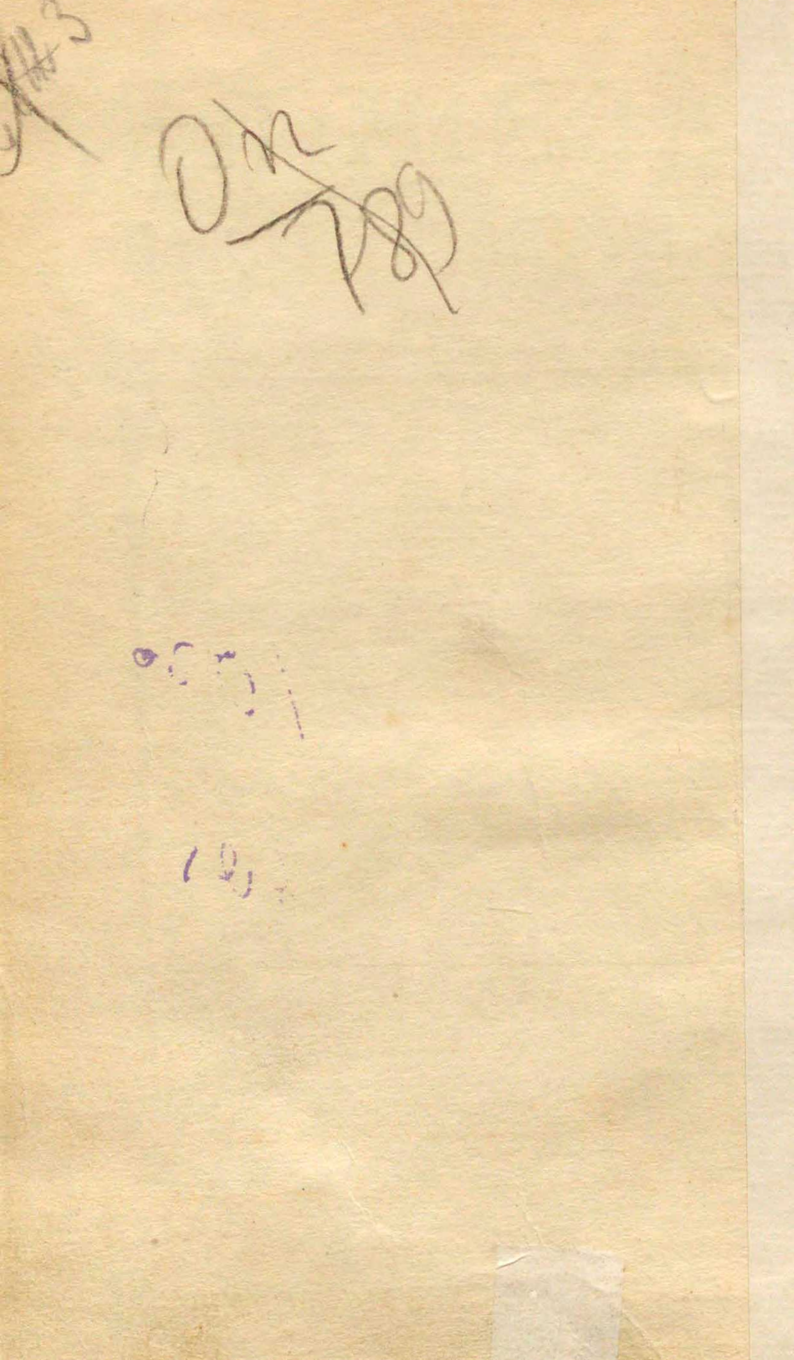

И
316
132

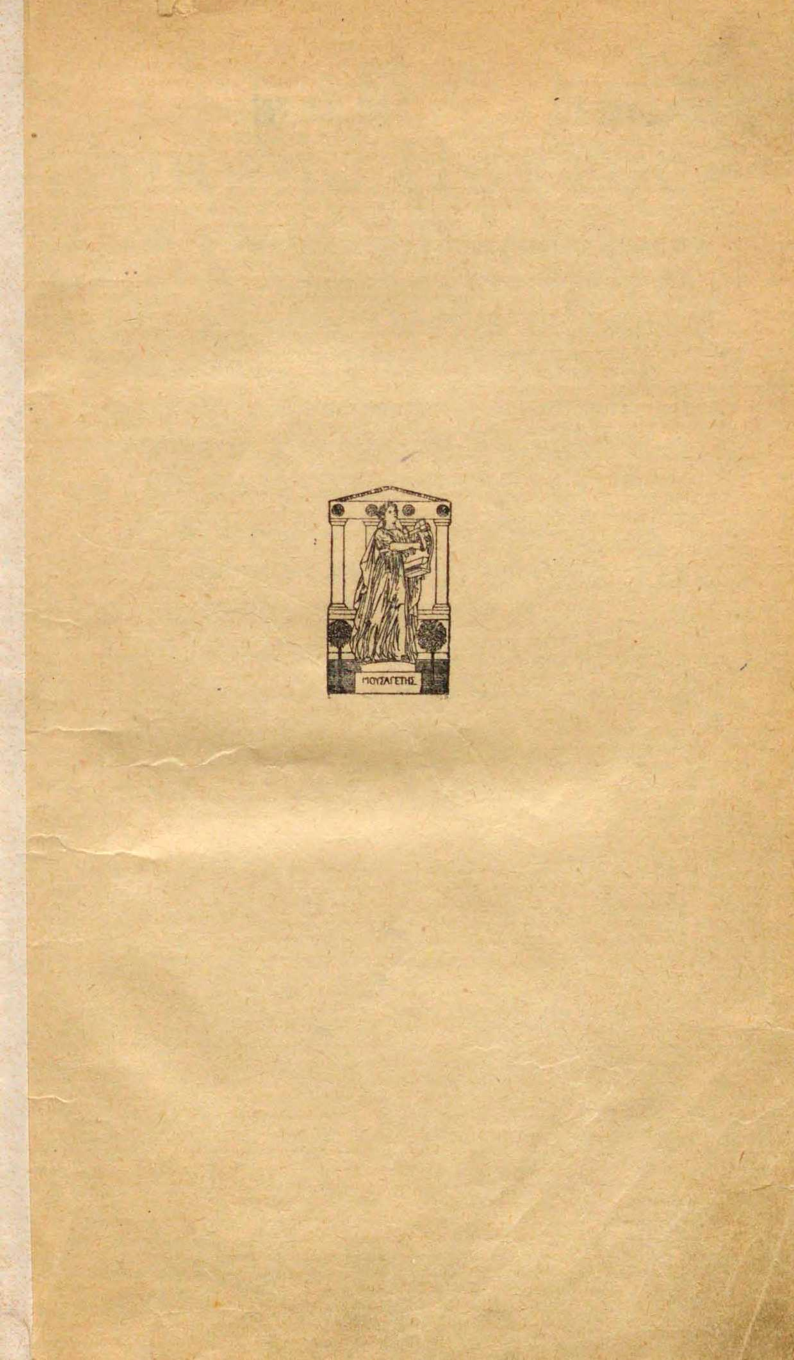
АГРИППА

НЕТТЕСГЕЙМСКІЙ



МОСКВА /МУСАГЕТЪ/ MCMXIII.




ΜΟΥΣΑΓΕΤΗΣ

Агриппа Неттес-

геймскій. Знаменитый авантюристъ
XVI в. Критико-біографическій
очеркъ Жозефа ОРСЬЕ. Переводъ
Брониславы РУНТЪ. Подъ ре-
дакціей, съ введеніемъ и примѣ-
чаніями Валерія БРЮСОВА.

Съ приложеніемъ трехъ ста-
тей редактора: «Оклеве-
танный ученый», «Ле-
генда о Агриппѣ» и
«Сочиненія Агрип-
пы и источники
его біогра-
фіи».

МОСКВА «МУСАГЕТЪ» MDCCCCxiij



Поставщикъ Двора Его Величества
Т-ва Скоропечатни А. А. Левенсонъ Москва
Трехпрудный пер., собственный домъ
1913

6

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	2000 197 г.
						6	533 / 42	





Quem tibi ſubijciat ſpectandum hæc pagina, quæris?
CORNELIUS facie talis AGRIPPA fuit.
Ingenio quantus fuerit quantum ore diſertus,
Conſociata iſthoc conſule ſcripta libro.

ОКЛЕВЕТАННЫЙ УЧЕНЫЙ.

ВВЕДЕНІЕ

ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА.

Потомство оклеветало Агриппу. Изъ всѣхъ его сочиненій оно запомнило лишь одно, трактатъ «О сокровенной философіи», которому онъ самъ не придавалъ большого значенія. Народная молва сдѣлала изъ Агриппы чернокнижника, мага, и связала съ его именемъ множество фантастическихъ легендъ, одна другой нелѣпѣй. Ученые, изучая знаменательную эпоху нѣмецкаго Возрожденія, какъ-то сторонятся Агриппы, такъ какъ онъ не принадлежалъ непосредственно ни къ одному изъ кружковъ гуманистовъ. Его образъ до сихъ поръ не получилъ надлежащей оцѣнки, и до сихъ поръ онъ не занялъ въ исторіи просвѣщенія того мѣста, на какое имѣетъ право.

Надо сознаться, что самъ Агриппа не совсѣмъ неповиненъ въ такомъ къ себѣ отношеніи. Конецъ XV и начало XVI вѣка раздѣлили людей, особенно населеніе Германіи, рѣзко на два круга: проповѣдниковъ новаго, сторонниковъ Эразма и Рейхлина, «гуманистовъ», и защитниковъ стараго, «темныхъ людей», «обскурантовъ». Агриппа не сумѣлъ или не захотѣлъ опредѣленно выбрать свое мѣсто въ одномъ изъ двухъ лагерей. Многими чертами своего характера и своей дѣятельности онъ примыкалъ къ гуманистамъ. Свои профессорскія чтенія онъ началъ съ толкованія одного

сочиненія Рейхлина. Съ Эразмомъ онъ былъ въ перепискѣ и отзывался о немъ съ величайшимъ почтеніемъ. Всю жизнь онъ боролся съ монахами, естественными защитниками всякаго обскурантизма, и не разъ подвергался преслѣдованіямъ съ ихъ стороны. При всемъ томъ Агриппа былъ хорошо и разносторонне образованъ, прекрасно зналъ древнихъ, легко и правильно писалъ по-латыни. Но много было въ Агриппѣ и «отъ стараго». Онъ никогда не могъ освободиться отъ чисто схоластической манеры излагать свои мысли. Онъ какъ-то чуждался тѣхъ темъ, которыя привлекали особое вниманіе гуманистовъ. Предметомъ его перваго большого сочиненія была магія. Само по себѣ это еще не могло возстановить противъ Агриппы сторонниковъ новаго; въ силу магіи вѣрили многіе образованнѣйшіе умы того времени: Пико делла Мирандола написалъ сочиненіе, доказывающее существованіе вѣдьмъ, Гемистосъ Плето изъяснялъ природу демоновъ и т. д. Но трактатъ Агриппы былъ весь основанъ на старыхъ сочиненіяхъ такого рода, не былъ свободнымъ изслѣдованіемъ магическихъ явленій, но былъ переполненъ изложеніемъ традиціонныхъ мнѣній. Второе большое сочиненіе Агриппы трактовало о недостовѣрности познанія, тогда какъ гуманисты выше всего ставили именно просвѣщеніе и науку. Въ жизни Агриппа, замкнутый и суровый, держался особнякомъ и не хотѣлъ признавать надъ собой никакихъ авторитетовъ. Онъ писалъ къ Эразму какъ равный къ равному и требовалъ къ себѣ отношенія какъ къ учителю (magister), а гуманисты по многимъ причинамъ не считали его притязанія обоснованными. Все это отдѣляло, обособляло его отъ «новыхъ людей».

Въ жизни Агриппа былъ типическій представитель

людей Возрожденія. Какъ всѣ выдающіеся люди той эпохи, онъ обладалъ познаніями энциклопедическими, брался за все, отъ военнаго дѣла до магіи, отъ должности инженера до мѣста историографа, былъ то юристомъ, то медикомъ, то теологомъ, и, не имѣя на то никакихъ офиціальныхъ правъ, писалъ на заглавіи своихъ книгъ, послѣ своего имени «докторъ обоихъ правъ и медицины». Непосѣдливый, тоже какъ всѣ люди Возрожденія, онъ не могъ ужиться подолгу ни въ одномъ городѣ, исколесилъ всю Европу въ поискахъ счастья, поочередно избиралъ мѣстами своей дѣятельности то Италію, то Францію, то Англію, то Швейцарію, то разные города Германіи. Родившись въ сентябрѣ 1486 года, въ Кельнѣ, онъ рано вступилъ на военную службу, въ австрійскую армію, совершилъ походы въ Испанію, Италію и Голландію. Потомъ слушалъ лекціи въ Парижѣ, вновь участвовалъ въ испанскомъ походѣ, а въ 1509 году уже самъ выступилъ какъ профессоръ въ университетѣ въ Долѣ. Въ эпоху, когда Меланхтонъ читалъ лекціи 17 лѣтъ отъ роду, это вовсе не было рано. Вскорѣ Агриппѣ, по обвиненію въ ереси, пришлось укрываться въ Англіи; затѣмъ онъ былъ профессоромъ теологіи въ Кельнѣ, придворнымъ въ свитѣ императора Максимиліана въ Италіи, участникомъ церковнаго собора въ Пизѣ, вновь профессоромъ въ Павіи и въ Туринѣ. Нѣсколько спокойныхъ лѣтъ провелъ онъ въ Мецѣ, на службѣ у города, какъ синдикъ, адвокатъ и ораторъ. Отъ преслѣдованій монаховъ ему пришлось укрыться въ Женевѣ; послѣ того онъ съ успѣхомъ практиковалъ какъ врачъ въ Фрейбургѣ, перешелъ на службу къ французскому двору и былъ лейбъ-медикомъ королевы-матери въ Ліонѣ, въ то же время занимаясь изобрѣтеніемъ какихъ-то военныхъ машинъ; оставивъ государственную службу,

вновь практиковалъ какъ частный врачъ въ Антверпенѣ, но былъ принужденъ отказаться отъ медицинской практики, за неимѣніемъ соотвѣтствующаго диплома. Получивъ званіе придворнаго исторіографа императора Карла X, онъ поселился въ Миланѣ, но долженъ былъ вскорѣ бѣжать изъ этого города. Потерявъ почти всѣхъ своихъ покровителей, онъ велъ послѣ того довольно несчастное существованіе, дважды былъ брошенъ въ тюрьму кредиторами, въ Брюсселѣ и въ Ліонѣ, и умеръ, почти одинокимъ, въ Гренобплѣ, въ 1535 году. За все время этой тревожной, походной жизни онъ не переставалъ учиться и писать, издавалъ и маленькіе памфлеты и большіе ученые трактаты, велъ огромную переписку со всѣми видными людьми своего времени и былъ постоянно окруженъ группой учениковъ, которымъ расточалъ свои многообразныя познанія. Остается добавить, что не бѣдна была и личная жизнь Агриппы: онъ былъ трижды женатъ, имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, испыталъ и въ семейной жизни не мало тяжелыхъ огорченій.

Сочиненія Агриппы столь же разнообразны, какъ и его жизнь. Въ собраніи его сочиненій, вышедшемъ послѣ его смерти, въ Ліонѣ, въ двухъ большихъ томахъ очень убористой печати, мы находимъ трактаты по магіи, демонологіи, каббалѣ, разсужденія теологическія (о таинствѣ брака, о первородномъ грѣхѣ и т.п.), историческое изслѣдованіе о коронаціи Карла V, книгу о пиромахіи (огнестрѣльномъ оружіи), маленькій парадоксальный «опытъ» о превосходствѣ женскаго пола надъ мужскимъ, комментаріи къ сочиненіямъ Раймонда Люллія, комментаріи къ сочиненіямъ Плинія младшаго, немало другихъ «маленькихъ трактатовъ» (такъ ихъ озаглавилъ самъ Агриппа) и, наконецъ, сочиненіе «О недостовѣрности и тщетѣ наукъ и

искусствъ», въ которомъ разбираются и критикуются положительно всѣ отрасли знанія того времени. Въ сущности говоря, большинство изъ нихъ не что иное, какъ остроумно развитые парадоксы. Безспорный парадоксъ—сочиненіе о превосходствѣ женскаго пола (между прочимъ имѣвшее наибольшій успѣхъ среди всѣхъ сочиненій Агриппы и много разъ переведенное на разные языки въ теченіе XVI—XVII вѣковъ), парадоксы и многіе «маленькіе трактаты»; но также парадоксальны и два основныхъ сочиненія Арипппы: «О сокровенной философіи» и «О недостовѣрности наукъ». Дѣло въ томъ, что въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ Агриппа защищалъ тезисы, которые самъ не раздѣлялъ. Онъ, какъ это видно по его позднѣйшимъ письмамъ, не вѣрилъ въ силы «оперативной магіи», считалъ вѣру въ возможность вызывать демоновъ и овладѣвать ихъ силами—предразсудкомъ, а магическія церемоніи—шарлатанствомъ [1]. Это не помѣшало ему написать подробное изложеніе всѣхъ знаній, связанныхъ съ магіей, и постараться привести ихъ въ стройную систему, строго по методамъ науки своего времени. Изложенію предпосланъ родъ философскаго вступленія, излагающаго предпосылки оккультнаго знанія (тѣ самыя, на которыя, съ малыми измѣненіями, опираются и современные оккультисты): ученіе о всемірномъ соотвѣтствіи, связывающемъ между собой всѣ явленія вселенной и позволяющемъ черезъ самое малое

[1] Однимъ изъ благороднѣйшихъ эпизодовъ въ жизни Агриппы является, между прочимъ, его защита одной бѣдной женщины изъ деревни Войпи, обвиняемой въ 1519 году въ колдовствѣ. Агриппа взялъ на себя вести ея процессъ, выигралъ его и въ полномъ смыслѣ слова спасъ несчастную изъ рукъ инквизитора, можетъ быть, отъ костра. (См. ниже гл. IV, стр. 34—36, и наше примѣчаніе къ ней).

влять на самое великое. Съ другой стороны, Агриппа былъ убѣжденъ, какъ самъ говоритъ въ письмѣ къ Эразму, въ пользѣ и высокомъ значенiи науки. Однако онъ постарался добросовѣстно выискать всѣ доводы, какiе только могъ найти, противъ знанiя вообще и противъ каждой науки въ частности. Его занимала въ этомъ дѣлѣ борьба съ очевидностью, какъ бы нѣкоторый tour de force ума и остроумiя. И надо сознаться, что иные доводы Агриппы (къ сожалѣнiю, далеко не всѣ) берутъ вопросъ глубоко и подготовляютъ почву для будущаго критицизма.

Безспорно, личность Агриппы, его сочиненiя, его взгляды заслуживаютъ вниманiя историковъ культуры и историковъ философiи. Но долгое время личность Агриппы оставалась не освѣщенной наукой: историки, какъ бы унаслѣдовавъ вражду гуманистовъ къ «чернокнижнику», проходили мимо его характерной и далеко не заурядной личности. Бейль былъ первымъ, кто въ своемъ знаменитомъ «Историческомъ и критическомъ словарѣ» (1696 г.) попытался выставить образъ Агриппы въ истинномъ свѣтѣ. Въ XIX вѣкѣ были изданы два большихъ труда, спецiально посвященныхъ Агриппѣ, одинъ англiйскiй, другой французскiй: Г. Морлея (1856 г.) и О. Про (1882 г.), въ которыхъ сдѣланы попытки выяснить дѣйствительное значенiе Агриппы для своего времени. Но съ появленiя последней изъ этихъ работъ прошло уже 30 лѣтъ, и громадное количество вновь опубликованныхъ съ тѣхъ поръ историческихъ матерiаловъ настоятельно побуждаетъ пересмотрѣть многiе выводы обоихъ авторовъ.

Бiографическiй очеркъ, предлагаемый теперь въ переводѣ вниманiю читателей и принадлежащiй перу молодого ученаго Жозефа Орсье, не имѣетъ притя-

занія исполнить эту работу. Онъ почти исключительно основанъ на сохранившейся перепискѣ Агриппы, которую авторъ считаетъ «истинной автобіографіей» великаго авантюриста,—хотя Ж. Орсье и привлекъ къ изслѣдованію нѣкоторые архивные матеріалы. Но все же Орсье даетъ яркую и, при всей сжатости очерка, полную картину жизни Агриппы, попутно разъясняя многіе темные пункты его біографіи. Для русскаго читателя издаваемая книжка окажется единственнымъ источникомъ для знакомства съ однимъ изъ значительнѣйшихъ людей знаменательной эпохи: начала Реформаціи въ Германіи.

Мы сочли нужнымъ дополнить біографическій очеркъ Орсье нѣсколькими примѣчаніями (которыя всѣ помѣчены буквами В. Б. въ отличіе отъ примѣчаній Автора), присоединить къ нему очеркъ о легендахъ, сложившихся вокругъ имени Агриппы (которыя Орсье обходитъ молчаніемъ), и дать краткую библіографію сочиненій самого Агриппы и объ немъ. Добавимъ еще, что всѣ цитаты изъ сочиненій и писемъ Агриппы, приводимыя Орсье, нами провѣрены по подлиннику, и довольно свободный переводъ, сдѣланный Орсье, замѣненъ болѣе точнымъ.

ЗНАМЕНИТЫЙ АВАНТЮРИСТЪ XVI ВѢКА
АГРИППА НЕТТЕСГЕЙМСКІЙ.

ОЧЕРКЪ

ЖОЗЕФА ОРСЬЕ.

Личная жизнь выдающагося человѣка всегда вызываетъ нѣкоторый интересъ, а чѣмъ чаще талантливому писателю приходилось быть предметомъ рѣзкихъ критическихъ нападокъ, тѣмъ съ большимъ интересомъ относятся къ изученію его біографіи, его душевнаго состоянія и его произведеній. На исходѣ XV вѣка и въ первой половинѣ XVI, среди группы знаменитыхъ людей, составляющихъ честь той памятной эпохи, выдѣляется одна сложная, своеобразная, трудно-опредѣлимая личность, которую одинаково любопытно изучить какъ со стороны романтическихъ обстоятельствъ ея жизни, полной неожиданности, такъ и со стороны научной. Въ той отдаленной эпохѣ, смуты и тревоги которой, какъ политическія, такъ и религіозныя, какъ будто вновь возрождаются въ наши дни, Генрихъ Корнелисъ Агриппа[1]

[1] Его настоящее имя, упомянутое въ современныхъ подлинныхъ документахъ,—Корнелисъ; Агриппа же, точно такъ же какъ и Неттесгеймскій, являются простымъ прозвищемъ. Въ финансовыхъ отчетахъ Меца между 1517 г. и 1520 г., въ то время, какъ Агриппа находился на жалованьѣ у этого города, значится: «a Maître Hanry Cornélis dict Agrippa...» (господину Анри Корне-

занимаетъ мѣсто ученаго и чудака-бродяги, исполнявшаго попеременно самыя разнообразныя должности: военнаго, гуманиста, богослова, юрисконсульта, врача, алхимика. Ему былъ доступенъ весь кругъ церковныхъ и свѣтскихъ наукъ, но общихъ идей у него было мало; онъ прежде всего былъ популяризаторъ съ обширной эрудиціей, осложненной неожиданными уклонами исключительнаго свободомыслія и крайней измѣнчивости характера. Какъ и его современнику Парацельсу, бывшему также алхимикомъ и врачомъ, Агриппѣ нравилось плѣнять публику самыми странными нововведеніями и самыми дерзкими ученіями. И его жизнь, о которой было написано немало фантастическихъ басенъ, вполнѣ гармонировала съ его парадоксами.

450 Epistolae familiares Агриппы (переписка съ друзьями) являются его истинной автобіографей точно такъ же, какъ и замѣчательнымъ документомъ исторіи литературы; въ этой перепискѣ Агриппа проявилъ столь же поразительную дѣятельность, какъ и на многихъ другихъ поприщахъ. Его совѣтовъ спрашивали всѣ могущественныя лица того времени и не было при его жизни ни одного важнаго вопроса, въ который онъ не вмѣшивался. Поэтому, несмотря на причудливость и непостоянство Агриппы, вошедшія въ пословицу, онъ не заслуживаетъ той насмѣшки, съ которой отнесся къ нему Раблэ [1]. Мы слишкомъ

лису, по прозвищу Агриппа). Авт. Замѣтимъ, однако, что на всѣхъ подлинныхъ изданіяхъ сочиненій Агриппы, выходившихъ при его жизни и вскорѣ по его смерти, читаемъ: Henrici Cornelii Agrippae, позднѣе съ добавленіемъ: ab Nettesheym. В. Б.

[1] Раблэ, современникъ Агриппы, вывелъ его въ своемъ «Пантагрюэлѣ» въ видѣ комическаго лица Her Trippa. В. Б.

часто основываемъ свои сужденія на занимательныхъ легендахъ и относимся равнодушно къ тѣмъ полезнымъ поученіямъ, которыя можно извлечь изъ безпристрастнаго изученія прошлаго, и слишкомъ часто объ этомъ прошломъ намъ случается читать страницы, искаженныя и подтасованныя сектантскимъ или партійнымъ духомъ. Агриппа заслуживаетъ того, чтобы къ нему и къ его произведеніямъ отнеслись вполнѣ безпристрастно. Исторія его жизни интересна съ многихъ точекъ зрѣнія: прежде всего она рисуетъ картину цѣлой частной жизни писателя XVI вѣка; затѣмъ, она доставляетъ цѣнныя свѣдѣнія о людяхъ и событіяхъ того времени, главнымъ образомъ о религіозныхъ и политическихъ вопросахъ начала Реформаціи; кромѣ того, она даетъ любопытныя указанія относительно развитія оккультныхъ наукъ въ Западной Европѣ.

I.

Почти всѣ, кто писалъ объ этомъ бродячемъ ученомъ, сообщаютъ факты самые противорѣчивые. При жизни Агриппа пользовался двойной репутаціей: образованные считали его человѣкомъ большой эрудиціи, среди простонародья онъ слылъ волшебникомъ. Говорили, что онъ происходитъ изъ старинной, богатой и знатной семьи.

Старинной его семью нельзя назвать, такъ какъ самъ авторъ не начерталъ своего родословнаго дерева,— чего также никто не сдѣлалъ за него; что же касается богатства, то мы вправѣ думать, опираясь на вполнѣ основательные доводы, почерпнутые изъ того невѣрнаго существованія, которое почти исключительно выпало на долю Агриппы (его письма служатъ убѣдительнымъ тому доказательствомъ), что оно суще-

ствовало лишь въ воображенiи его бiографовъ, слишкомъ увлекшихся своимъ предметомъ; оспоривались, не безъ основанiя, и знатность его происхожденiя и титулъ «Н е т т е с г е й м с к i й»[1].

По словамъ Бейля[2], Тессье, ссылаясь на де-Ту, утверждалъ, что Агриппа родился въ Неттесгеймѣ, деревнѣ, находящейся къ сѣверу отъ Кельна, принадлежащей нынѣ къ Нейсскому округу, въ Дюссельдорфской провинцiи. Болѣе раннiй бiографъ Агриппы, Тевэ[3], который, между прочимъ, лишь довѣрчиво и добросовѣстно повторялъ росказни Павла Iовiя[4], Мельхiора Адана и нѣкоторыхъ другихъ, увѣряетъ, что Генрихъ Корнелiй Агриппа родился въ городѣ Нестре. Тевэ полагалъ, вѣроятно, что пишетъ историческое изслѣдованiе. Между тѣмъ, истину было легко возстановить по собственнымъ указанiямъ Агриппы, если бы кто-нибудь справился съ его перепиской. Онъ родился въ Кёльнѣ[5], гдѣ жили его предки, 14 сентября 1486 года. Его отрочество совпало съ началомъ буйнаго и исполненнаго

[1] Auguste Prost (Corneille Agrippa. 2 vol. Paris. Champion. 1882. Vol. II, p. 434—436) справедливо доказываетъ неосновательность притязанiй Агриппы на знатность происхожденiя.— M. H. Morley (The life of H. C. Agrippa. London. 2 vol. 1856) говоритъ объ аристократической семьѣ Агриппы. А в т. Объ этихъ книгахъ, какъ и о трудахъ, упоминаемыхъ въ слѣдующихъ примѣчанiяхъ, см. ниже очеркъ «Сочиненiя Агриппы». В. Б.

[2] Dictionnaire Historique et Critique, 1697.—Cf. Niceron, éd. Briasson, Paris 1732, t. XX, p. 104. А в т.

[3] Les vrais portraits et vies des hommes illustres 1584. А в т.

[4] Pauli Iovii Novocomens's, Elogia virorum litteris illustrium. 1577. А в т.

[5] Schelhornius въ своихъ A m e n i t a t e s l i t t e r a r i a e (Leipz. 1737—38, t. II, p. 553) приписываетъ Агриппѣ бельгiйское происхожденiе. А в т.

жизненныхъ силъ XVI вѣка, обновительныя вѣянія котораго онъ вдохнулъ въ себя при самомъ ихъ появленіи. Слѣдуя традиціямъ своей семьи, Агриппа долженъ былъ избрать военное поприще; мы имѣемъ основаніе предполагать, что оно не было ему противно, вспомнивъ о превратностяхъ его карьеры и о томъ воинственномъ настроеніи, которымъ были отмѣчены всѣ періоды его жизни. Авантюристу по природѣ, Агриппѣ должны были нравиться тѣ опасныя, но соблазнительныя приключенія, которыя ждали во время безконечныхъ переѣздовъ по всей Европѣ участниковъ походовъ неутомимаго Максимиліана I, отважнаго Франциска I или лукаваго Карла V.

Такъ какъ предки Агриппы служили австрійскому императору, то было вполнѣ естественно, что Агриппа, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, выступалъ въ рядахъ этого государя. На основаніи подлинныхъ документовъ можно догадываться, что тѣ шесть лѣтъ (1501—1507), которые Агриппа прослужилъ въ австрійской арміи, прошли частью въ Испаніи, частью въ Италіи, частью въ Нидерландахъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ никакихъ указаній на роль, которую онъ игралъ въ теченіе этого перваго періода своей жизни. На этотъ счетъ онъ самъ отличается большой сдержанностью, нарушенной имъ лишь разсказомъ о томъ, что онъ былъ произведенъ въ рыцари на полѣ битвы, послѣ нѣкоего военнаго подвига[1]. Прослужилъ ли онъ въ арміи все это время безпрерывно,— подлежитъ сомнѣнію, въ виду того, что, оставляя въ чинѣ капитана службу у императора, онъ былъ

[1] «Humano sanguine sacratus» (т.-е. «посвященъ кровью»). Epist, VI, 22; VII, 1. Авт.

уже подготовленъ къ защитѣ диссертацiи на званiе доктора медицины и «обоихъ» правъ. Въ своихъ письмахъ онъ говоритъ объ этомъ съ нѣкоторымъ хвастовствомъ [1]. Онъ успѣлъ многое изучить, много попутешествовать, многое узнать.

II.

Въ 1507 году Агриппа прiѣзжаетъ въ Парижъ; но вскорѣ, за неимѣнiемъ средствъ, снова принужденъ вернуться въ Кёльнъ. Между тѣмъ, Парижъ привлекалъ Агриппу, и онъ говорилъ объ немъ съ сожалѣнiемъ, оставивъ въ немъ хорошiя и прочныя связи, которыя ему удалось сохранить. Вернувшись въ отчiй домъ, онъ занимается оккультными науками, бывшими тогда въ модѣ. Онъ основываетъ даже кружокъ искателей, развѣтвленiя котораго вскорѣ распространяются по всей Европѣ.

Снова призванный на службу императоромъ въ 1508 году, Агриппа появляется у подножiя Пиренеевъ. Здѣсь приходится ему пережить странное приключенiе, обо всѣхъ перипетiяхъ котораго онъ охотно разсказываетъ потомъ разныя подробности [2]. Во время своей военной дѣятельности, направленной къ подавленiю возстанiя крестьянъ, Агриппа прибѣгнулъ къ военнымъ снарядамъ своего собственнаго изобрѣтенiя, примѣненiе которыхъ надѣлало чудесъ: онъ и тогда занимался пиротехническими изобрѣтенiями, описанными имъ въ особомъ трактатѣ, котораго онъ, повидимому, не окончилъ и, во всякомъ случаѣ, не напечаталъ. Среди опасностей, которымъ подвергался

[1] Epist., II, 19; VI, 22; VII, 21. Авт.
[2] Epist., I, 2. Авт.

онъ во время этой экспедиціи, онъ былъ обязанъ одному монаху спасеніемъ своей жизни. Впослѣдствіи онъ былъ обязанъ другимъ монахамъ большею частью своихъ невзгодъ.

Весьма вѣроятно, что послѣ этого похода Агриппа снова вернулся въ свой родной городъ, гдѣ понакопилъ средствъ, чтобы возобновить свои странствія по свѣту. Испанія и Италія влекли его къ себѣ; онъ довольно долгое время жилъ въ этихъ странахъ, но тайное предпочтеніе Агриппа питалъ къ Франціи. Судя по его письму къ другу Ландольфу [1], въ которомъ онъ упоминаетъ о своемъ безразсудствѣ на войнѣ, Агриппа добрался до Авиньона, гдѣ жилъ въ обществѣ нѣсколькимъ друзей, искавшихъ, какъ и онъ, философскій камень. Это письмо къ Ландольфу помѣчено 9 февраля 1509 года; 5-го іюня того же года, Агриппа появляется въ Отенѣ, въ Сенъ-Симфорьенскомъ аббатствѣ, гдѣ попрежнему интересуется оккультными науками. Въ томъ же году, неизвѣстно какого числа, онъ поселяется въ Долѣ, въ Бургундіи.

Тутъ ему впервые предоставлена каѳедра и онъ выступаетъ передъ публикой. Тутъ также онъ начинаетъ возбуждать противъ себя непрекращавшуюся затѣмъ ненависть монаховъ и особенно знаменитаго Катилинэ. Въ рядѣ лекцій, прочитанныхъ передъ возбужденной аудиторіей, состоящей изъ всѣхъ просвѣщенныхъ людей города, Агриппа предпринимаетъ толкованіе сочиненія Іоанна Рейхлина: De verbo mirifico [2]. Этотъ нѣмецкій философъ былъ бо-

[1] Epist., I, 10. Авт.

[2] Эта книга вышла между 1494 г. и 1552 г. въ пяти изданіяхъ, одно изъ которыхъ, не помѣченное никакимъ годомъ, апечатано готическимъ шрифтомъ. Она была переиздана въ

лѣе извѣстенъ подъ именемъ Капніона, которымъ зовется собесѣдникъ-христіанинъ въ его діалогѣ и который, между прочимъ, является переводомъ на греческій языкъ корня собственнаго имени автора.

«Verbum mirificum» есть не что иное, какъ трактатъ по сравнительному изученію религій, доказывающій, что изо всѣхъ религій католицизмъ является формой, отвѣчающей наилучшимъ образомъ запросамъ и тайнымъ исканіямъ человѣка. Но въ этомъ произведеніи авторъ обнаружилъ большую свободу сужденій, за которую онъ и подвергся преслѣдованіямъ духовенства, въ теченіе многихъ лѣтъ отравлявшимъ его существованіе. Во всякомъ случаѣ, Агриппа комментировалъ эту книгу, если не вполнѣ компетентно, то весьма успѣшно. Онъ зналъ, что въ этомъ почти дерзкомъ выступленіи его поддержитъ Маргарита Австрійская, правительница Нидерландовъ, благоволившая и покровительствовавшая ему. Этой же высокой поддержкѣ онъ былъ обязанъ своимъ избраніемъ профессоромъ богословія въ Коллегіи того же города. Признательный за столько благодѣяній, Агриппа рѣшилъ написать книгу О превосходствѣ женскаго пола надъ мужскимъ. Книга была уже въ рукахъ типографа, какъ вдругъ монахи, которые были крайне возбуждены противъ Агриппы, сочли долгомъ вмѣшаться. Не существуетъ никакого документа, который могъ бы пролить свѣтъ на эту интересную борьбу; сохранилась только защитительная рѣчь, опубликованная Агриппою и пред-

Базелѣ въ 1587 г. въ Artis cabalisticae scriptores, in-folio. Рейхлинъ родился въ Пфорцгеймѣ въ 1455 г. и умеръ въ Штуттгартѣ въ 1522 г. Ср. Dr. Geiger, Iohann Reuchein, sien Leben und seine Werke, Лейпцигъ, 1871, стр. 488. Авт.

ставляющая собою одинъ изъ самыхъ блестящихъ образцовъ, вышедшихъ изъ-подъ пера этого своенравнаго писателя[1]. Въ этой защитѣ монахъ Катинэ весьма остроумно разбивается его же собственнымъ оружіемъ; Генрихъ Корнелисъ, самъ вовсе не бывшій образцомъ кротости, весьма ловко приводитъ своего противника, опираясь на Священное Писаніе, къ смиренію, кротости, къ духу миролюбія и братства, которые должны быть неотъемлемыми добродѣтелями духовнаго лица. Подобная защита заслуживала восторженнаго оправданія. Но Агриппѣ не удалось выиграть этого дѣла и даже пришлось оставить поле сраженія за противниками. Онъ удалился, оставшись подъ подозрѣніемъ въ ереси, которое съ тѣхъ поръ тяготѣло надъ нимъ всегда, несмотря на всѣ его протесты. Такое подозрѣніе было чрезвычайно важно въ ту пору, когда Лютеръ и его единомышленники начинали насаждать какъ въ Германіи, такъ и во Франціи расколъ, надѣлавшій впослѣдствіи столько шуму.

III.

Утверждая, что его призываетъ туда какое-то тайное дѣло, Агриппа отправился въ 1510 году въ Англію, гдѣ написалъ свои Толкованія на посланіе апостола Павла[2]. Никто изъ

[1] Expostulatio super expositione sua in librum de verbo mirifico cum Johanne Catilineto... Изложеніе это было написано Агриппою въ 1510 г. въ Лондонѣ, но напечатано только въ 1529 г. въ Антверпенѣ. Авт.

[2] Commentariola in epistolam Pauli ad Romanos. Этотъ трудъ былъ начатъ въ 1510 г. въ Лондонѣ и остался незаконченнымъ на VI гл. Онъ былъ затерянъ въ Италіи, въ дни Мариньяно (во время войны французовъ съ швейцарцами); въ 1523 г. Агриппа нашелъ это произ-

писавшихъ объ Агриппѣ не нашелъ нужнымъ выяснить подробности этой поѣздки. Даже Бейль, самый пылкій защитникъ Агриппы и самый вѣрный его біографъ, довольствуется упоминаніемъ о томъ, что Агриппа остановился въ Лондонѣ у «извѣстнаго Жана Колэ»—собрата того самаго Катилинэ, на котораго онъ такъ яростно нападалъ въ Гентѣ, въ присутствіи Маргариты Австрійской. Самъ Агриппа весьма сдержанъ во всемъ, что касается свѣдѣній, связанныхъ съ этимъ путешествіемъ; не разъ у этого причудливаго бродяги встрѣчаются умышленныя недомолвки, которыя, дѣлая нѣсколько загадочнымъ его романтическое существованіе, тѣмъ самымъ освѣщаютъ нѣкоторыя стороны характера этого хвастуна. Будучи врачомъ, законовѣдомъ, дипломатомъ, ораторомъ, ученымъ, алхимикомъ и философомъ, Агриппа во всю свою жизнь не сумѣлъ отдѣлаться отъ мундира и самохвальства того капитана, которымъ онъ былъ нѣкоторое время. Нѣсколько лѣтъ спустя, во Франціи появился его подражатель, который носитъ не безславное имя Сирано де Бержеракъ.

Какъ бы то ни было, пребываніе Агриппы въ Англіи, у Жана Колэ, не было продолжительнымъ, такъ какъ въ томъ же 1510 году Агриппа снова появляется въ Кёльнѣ, гдѣ получаетъ каѳедру богословія[1]. Во время одного путешествія въ Вюрцбургъ

веденіе у одного изъ своихъ бывшихъ учениковъ, но оно не дошло до насъ. Epist., III, 40, 41, 42. Авт.

[1] Агриппа не былъ докторомъ богословія, какъ онъ самъ это говоритъ. Opera omnia, т. II, стр. 595: «Ego certe theologi nomen mihi arrogare non ausim» (Я не смѣю присвоивать себѣ имени богослова). См. тоже Ор. II, 628 и Epist., II, 19. Въ концѣ 1510 г. Агриппа выставляетъ свои тезисы для диспута въ университетѣ, въ Кельнѣ, Placita theologica quae quodlibeta dicuntur. Авт.

онъ завязываетъ дружескія сношенія съ аббатомъ Тритгеймомъ, изучавшимъ оккультныя науки. Уже въ то время эти жуткія и таинственныя проблемы привлекали умъ Агриппы, жаждущій новизны. Сближеніе съ аббатомъ Тритгеймомъ побуждаетъ его окончить произведеніе, начатое имъ давно, произведеніе, которое онъ не разработалъ бы такъ тщательно, если бы не совѣты его учителя и друга; я говорю объ Оккультной философіи, являющейся первой подлинной энциклопедіей оккультизма[1].

Тутъ слѣдуетъ упомянуть о первой женитьбѣ Агриппы, въ концѣ 1514 года, на молодой, красивой, богатой и преданной ему дѣвушкѣ, о которой онъ самъ въ своей перепискѣ даетъ самые трогательные отзывы[2]). Вскорѣ послѣ этого брака, Агриппа отправляется къ Максимиліану въ Италію, гдѣ мы опять теряемъ нить его жизни. То онъ въ Миланѣ, то въ Бриндизи, то въ Казале; онъ странствуетъ изъ одного города въ другой, ища сильныхъ покровителей, которые разъ навсегда вырвали бы его изъ того бѣдственнаго положенія, на которое онъ жалуется съ такой горечью. Кардиналъ де Сентъ-Круа беретъ его съ собою на вселенскій соборъ въ Пизу. Этимъ Агриппѣ предста-

[1] Начатое около 1508 г., это произведеніе было напечатано только въ 1531 г. частью въ Парижѣ, частью въ Антверпенѣ и лишь въ 1533 г. появилось первое полное изданіе. У Іоанна Сотера появилось въ томъ же 1533 г. два послѣдовательныхъ изданія, въ Кельнѣ. Авт. Подробности объ изданіи этой книги см. ниже. Недавно переизданъ старинный французскій переводъ этого сочиненія: La Philosophie Occulte ou Magie de Henri Corneille Agrippe. Première traduction française complète. Bibliothèque Chacornac. 2 vol. Paris 1910—1911. В. Б.

[2] Epist., III, 33. Авт.

вляется, наконецъ, такъ долго ожидаемый случай, примѣнить, въ наиболѣе подходящей къ тому обстановкѣ, свои способности. Къ несчастью, вселенскій соборъ въ Пизѣ, надѣлавшій много шуму и мало дѣла, принужденъ, въ виду войны въ Италіи, отложить на неопредѣленное время разсмотрѣніе, предложенныхъ на его рѣшеніе, вопросовъ. Разочарованному Агриппѣ снова приходится обратиться къ профессурѣ за насущнымъ хлѣбомъ, которымъ онъ не всегда могъ располагать.

Написавъ о Гермесѣ Трисмегистѣ весьма интересное изслѣдованіе, Агриппа прочелъ его публично въ университетѣ въ Павіи[1]). Въ Туринѣ онъ получилъ каѳедру богословія. Счастіе начинало уже улыбаться Агриппѣ. Отрѣшившись отъ излишняго тщеславія, онъ могъ бы разсчитывать на счастливую жизнь въ Павіи... Какъ вдругъ неожиданно вновь разразилась война, и Агриппа былъ принужденъ бѣжать изъ города. Второпяхъ ему пришлось даже оставить всю свою домашнюю утварь, обстановку... и также свои долги; домъ его подвергся разгрому французской арміи. Къ счастью для Агриппы, онъ предусмотрительно довѣрилъ своему другу, уроженцу Люцерна, Христофору Шиллингу, съ которымъ познакомился въ Ломбардіи, свои книги и свои рукописи.

Впрочемъ, еще раньше битвы подъ Равенной

[1] Oratio habita Paviae in praelectione Hermetis Trismegisti de potestate Dei была прочтена въ 1515 г. въ университетѣ города Павіи, въ присутствіи Джованни Гонзага, маркграфа Мантуанскаго, какъ вступительная лекція къ чтеніямъ Агриппы о Пимандрѣ Гермеса Трисмегиста. Annotationes super Pimandrum Агриппы (1516 г.) не дошли до насъ. Авт.

Агриппа имѣлъ частыя сношенія съ швейцарцами. У насъ есть основанія полагать, что именно на Агриппу было возложено порученіе вести нѣкоторые дипломатическіе переговоры. По крайней мѣрѣ римскій прелатъ Энній, нунцій Льва X, бывшій какъ и Агриппа другомъ кардинала Шейнера и судьи Фалька, докладывалъ папѣ объ услугахъ, оказанныхъ Агриппою. Въ хвалебной папской грамотѣ, помѣченной 1513 годомъ и подписанной кардиналомъ Бембо, его святѣйшество благодаритъ философа и посылаетъ ему свое апостольское благословеніе.

IV.

Изъ Казале, куда Агриппа скрылся съ женой и ребенкомъ, онъ переѣхалъ на короткое время въ Миланъ, затѣмъ (такъ какъ Миланъ также былъ занятъ французами) снова появился въ Мецѣ, гдѣ его ждала новая судьба. Ему не суждено болѣе было, во время его короткой карьеры, увидѣть Италію.

Въ Мецъ Агриппа пріѣхалъ вторично уже не въ качествѣ бѣглеца. Если онъ и потерялъ, по его словамъ, въ Италіи и время и деньги, то все же успѣлъ завязать тамъ многочисленныя, оживленныя и тѣсныя знакомства, между прочимъ, съ маркграфомъ Монферратскимъ, съ Вильгельмомъ Палеологомъ[1] и со

[1] Ему онъ посвятилъ въ 1516 г. свой Dialogus de homine Dei imagine — трактатъ, также утерянный (Opera, II, стр. 717; Epist., I, 51). То же посвященіе стоитъ и на Liber de triplici ratione cognoscendi Deum (Opera, II, 480, Epist., I, 52). Въ 1518 г. Агриппа послалъ герцогу Савойскому, не получивъ никакого отвѣта, свой Orationis tomus in laudem serenissimi Ducis Sabaudiae (Opera, II, 728). Авт.

многими другими выдающимися особами, какъ итальянцами, такъ и французами—духовными или политическими дѣятелями. Благодаря ихъ рекомендаціямъ Агриппа былъ назначенъ старшиной, адвокатомъ и ораторомъ этой республики[1]; однако, при его неуживчивомъ характерѣ, онъ не могъ занимать продолжительное время эти должности.

Въ сочиненіяхъ Агриппы сохранилась для насъ[2] рѣчь, произнесенная имъ передъ властями города Меца, при вступленіи на новыя должности: онъ по-своему истолковываетъ обстоятельства, заставившія его принять эту службу. Скрывая, подъ пышной внѣшностью, то бѣдственное положеніе, въ которомъ онъ находился, покидая Италію, онъ воздаетъ скромную похвалу братьямъ Лоренсэнамъ, которые, первые, обратили на него вниманіе жителей Меца, и предоставили ему доходное мѣсто. Изъ переписки Агриппы[3] съ обоими Лоренсэнами, Жаномъ — командоромъ Св. Антонія Риверійскаго въ Пьемонтѣ и Понтіемъ — командоромъ Св. Іоанна Мецскаго, мы узнаемъ, что эти переговоры начались въ октябрѣ 1517 года.

Разъѣзды, которые Агриппѣ часто приходилось дѣлать, служа въ Мецѣ, а также близость Кёльна, дали ему возможность отправиться туда, чтобы повидаться со своей матерью, сестрой, друзьями[4] и

[1] На жалованіи въ 120 ливровъ или 180 золотыхъ флориновъ, что равняется нынѣшнимъ 3600 франкамъ. Коллегой Агриппы былъ Клодъ Шансоннетъ, пенсіонеръ Меца. Авт.

[2] Opera II, 1090: Oratio ad Metensium Dominos. Кромѣ этого произведенія сохранилось еще 3 другихъ рѣчи, съ которыми выступалъ Агриппа въ качествѣ оратора города Меца. Авт.

[3] Epist., II, 4 и 9. Авт.

[4] Epist., II, 15, 16. Авт.

обнять въ послѣдній разъ своего старика-отца, который скончался въ началѣ 1519 года; этимъ годомъ, по крайней мѣрѣ, обозначено письмо, въ которомъ упоминается объ этомъ событіи; точной даты мы не знаемъ [1]. Несмотря на преимущества своей новой должности, Агриппа не былъ особенно счастливъ, такъ какъ по своимъ вкусамъ и привычкамъ онъ сдѣлался настоящимъ итальянцемъ [2]. Въ Мецѣ, гдѣ во главѣ правленія стоялъ могущественный патриціатъ, приходилось вести суровый образъ жизни. Съ другой стороны, Мецъ былъ городомъ, въ которомъ монахи проявляли самую тираническую власть, такъ какъ имъ приходилось отстаивать свой излюбленный городъ отъ угрожавшаго вторженія лютеранскаго ученія. Поэтому прибытіе Агриппы въ февралѣ 1518 года они встрѣтили весьма сухо, затаивъ свой гнѣвъ. Агриппѣ предшествовала его слава писателя-сатирика и свободомыслящаго человѣка: его рѣчи по поводу книги Рейхлина, бывшаго въ то время жертвой ожесточенныхъ преслѣдованій въ Германіи, не могли не быть замѣченными монахами, бдительность и ревнивое честолюбіе которыхъ были возбуждены грозной Реформаціей, усиливавшейся съ каждымъ днемъ. Въ сущности, они угадали опаснаго врага въ Агриппѣ, на котораго была возложена обязанность защищать противъ духовенства интересы жителей Меца.

Неизвѣстно, каково было первоначальное пове-

[1] Epist II, 19. Prost II, 470. Авт.

[2] Epist. III, 15. Авт. Другъ пишетъ Агриппѣ, что познакомился съ однимъ человѣкомъ, который восхвалялъ ему необыкновенныя дарованія одного ученаго. Когда же корреспондентъ Агриппы спросилъ, какъ имя этого ученаго, новый знакомый отвѣчалъ: «Это—Агриппа, по происхожденію—изъ Кельна, по воспитанію—итальянецъ». В. Б.

деніе ново-назначеннаго синдика, но мы имѣемъ основаніе предполагать, что онъ не замедлилъ обнаружить свой безпокойный и неуживчивый нравъ, тѣмъ болѣе, что вражда стала открытой и обѣимъ партіямъ хотѣлось привлечь на свою сторону новоприбывшаго, который стяжалъ себѣ извѣстность силой и смѣлостью въ дѣлахъ полемики. Мѣстные богословы старались установить, было ли у святой Анны три мужа и по одному ребенку отъ каждаго изъ нихъ, или же былъ у нея одинъ мужъ и одна дочь. Подобно одному изъ своихъ друзей, Ле-Фэвръ д'Этаплю, навлекшему на себя негодованіе монаховъ, Агриппа высказался за моногамію и его противники были побѣждены въ этомъ спорѣ[1]. Это было первой побѣдой Агриппы въ его новой партіи. Но вскорѣ ему пришлось выступить на совершенно иномъ поприщѣ.

Изъ борьбы съ ересью Агриппа вышелъ побѣдителемъ; ему предстояло показать себя въ процессѣ о колдовствѣ. Зная запальчивость Агриппы, его противники справедливо надѣялись, что онъ неосторожно попадется въ какую-нибудь ловко разставленную западню. Обвиненіе въ колдовствѣ вело прямо на костеръ. Жертвой, на которую палъ въ 1519 г. выборъ, была одна старуха изъ деревни Войпи (Woippy)[2], бывшей тогда какъ бы предмѣстьемъ Меца. Старуха

[1] Opera, II, 588—693. Агриппа написалъ два полемическихъ сочиненія по этому вопросу. Жакъ Ле-Фэвръ д'Этапль былъ профессоромъ философіи въ коллегіи кардинала Лемуана съ 1493 по 1507 г.; въ 1516 г. онъ былъ назначенъ главнымъ викаріемъ епископа города Мо, Брисоннэ, который приблизилъ его къ себѣ еще въ Лодэвѣ, въ 1507 г. Авт.

[2] Деревня близъ Меца, въ которой историки среднихъ вѣковъ отмѣчаютъ многочисленныя проявленія вѣдовства. См. René Paquet. Histoire du village de Woippy. 1878. Авт.

обвинялась въ ереси доминиканцемъ Николаемъ Савини, великимъ инквизиторомъ. Поводъ къ обвиненію былъ весьма щекотливъ. Мать бѣдной старухи была въ свое время сожжена по обвиненію въ вѣдовствѣ. Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ Агриппа защищалъ обвиняемыхъ, которыхъ ему отъ всей души хотѣлось вырвать изъ когтей Инквизиціи, нужно прочесть его 38-е, 39-е и 40-е письмо II-ой книги. Вся неукротимая ненависть, питаемая авторомъ къ монахамъ, выливается здѣсь въ эпитетахъ, отличающихся невѣроятной рѣзкостью и силой. Тамъ встрѣчаются строчки, которыя, даже будучи выхвачены отдѣльно, представляютъ собою великолѣпныя картины жизни, и несомнѣнно большимъ мужествомъ должно было обладать Агриппѣ, чтобы выступить на бой, держа перо вмѣсто шпаги, со своими опасными противниками. Мы видимъ тутъ снова солдата имперскихъ войнъ, и нетрудно вообразить себѣ ужасъ доминиканцевъ, познакомившихся съ подобнымъ воиномъ.

Тѣмъ не менѣе, первое ходатайство Агриппы не имѣло желаннаго успѣха у главнаго викарія Меца. Дѣло въ томъ, что своимъ запросомъ онъ поднялъ юридическій вопросъ, который отсрочивалъ интересъ самаго спора. Но благодаря своей ловкости, своей приверженности къ свободѣ вѣроисповѣданій и энергіи своей защиты, Агриппѣ въ концѣ-концовъ удалось восторжествовать. Въ великолѣпной латинской страницѣ онъ изливаетъ передъ своимъ другомъ, Клодомъ Шансоннеттомъ всю свою злобу на притѣсненія монаховъ[1]. Но извѣстно, и Агриппѣ не впервые приш-

[1] Вотъ какъ описываетъ Агриппа, въ этомъ письмѣ, начало всего дѣла: «Ночью, гнусная шайка крестьянъ, возбужденныхъ виномъ и излишествами, злоумышляя противъ этой женщины, ворвалась въ ея домъ. По своей личной волѣ,

лось въ этомъ убѣдиться, что нельзя безнаказанно возстановлять противъ себя гнѣвъ непримиримыхъ враговъ.

V.

Въ концѣ 1519 года Агриппа объявляетъ одному изъ своихъ друзей о своемъ отъѣздѣ изъ Меца, не объясняя причинъ такого рѣшенія, но обѣщая впослѣдствіи разсказать всѣ подробности. По словамъ Агриппы, онъ самъ добился этого разрѣшенія отъ своего начальства. Слѣдуетъ предположить, что жизнь

безъ судебнаго постановленія, безъ соблюденія юридическихъ нормъ, они бросили ее въ тюрьму... Съ наступленіемъ дня восьмеро изъ этихъ негодяевъ выступаютъ какъ обвинители»... Далѣе Агриппа разсказываетъ, что мѣстныя власти отдали эту женщину въ руки ея обвинителямъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ дней всячески ее мучили, пока ее не перевели вновь въ тюрьму, гдѣ ее томили голодомъ и жаждой. Когда начался судебный разборъ дѣла, противъ обвиняемой не могли привести иныхъ уликъ, кромѣ того, что ея мать была колдуньей. «По совѣту,—пишетъ Агриппа,—разжирѣвшаго, тучнаго брата-инквизитора, человѣка крайне жестокаго, и на основаніи какой-то глупой книжонки, которую, какъ говорятъ сочинилъ онъ самъ, женщину подвергаютъ допросу подъ пыткой». Агриппа указываетъ, что преступленіе другого (въ данномъ случаѣ—матери) не можетъ служить уликой. Ему возражаютъ, что у всѣхъ колдуній есть обычай посвящать своихъ дѣтей дьяволу. Тогда Агриппа приводитъ такой доводъ: «Вы, значитъ, не признаете спасительнаго таинства крещенія, очищающаго отъ грѣховъ? Если женщина и была посвящена матерью дьяволу, то святое крещеніе очистило ее. Не вѣрить въ это—значитъ впадать въ ересь»! Такими схоластическими доводами пришлось бороться Агриппѣ и, въ концѣ концовъ, его настойчивость, его діалектика и сила его мысли восторжествовали. Бѣдная женщина, которая, конечно, ничѣмъ не могла отблагодарить своего безкорыстнаго защитника, хотя и истерзанная пыткой, была спасена, по крайней мѣрѣ отъ костра. См. Epist. II, 38, 40 и др. В. Б.

въ Мецѣ сдѣлалась для Агриппы невыносимой. Онъ уѣхалъ оттуда со своей женой и со своимъ ребенкомъ, и у насъ имѣется одно его письмо отъ 19 февраля 1520 года изъ Кёльна и другое, отъ 12-го марта того же года, къ его другу Жану Рожье, извѣстному подъ именемъ Бреннона, бывшему священникомъ въ приходѣ Святого Креста въ Мецѣ[1]; Агриппа въ этомъ послѣднемъ письмѣ проситъ посылать ему въ Кёльнъ, куда онъ снова вернулся, извѣстія о томъ, какъ ведутъ себя его враги[2] въ его отсутствіи. Въ концѣ письма Агриппа проситъ передать свой привѣтъ нѣкоторымъ изъ своихъ друзей: Тильману, Шателэну, Меріану, Мишо, врагамъ—Рено и Фризону, нотаріусу Баккара, часовыхъ дѣлъ мастеру Тиріону, книгопродавцу Жаку и другимъ. Эти мелочи показываютъ, до какой степени Агриппа умѣлъ обезпечить себѣ симпатію тѣхъ, съ кѣмъ сближался, когда ему не при-

[1] Этого Бреннона (Brennonius) надо отличать отъ другого друга Агриппы, котораго онъ называетъ сходнымъ именемъ Бруннона (Brunnonius). Настоящее имя Бреннона было Jean Rogier, Rougier или Rougière. Настоящее имя Бруннона, который именовалъ себя «artium et medicinae doctor»,—Jehan Bruno или Brunon de Pontigny или de Niedbruck. В. Б.

[2] Николь Русэ, членъ Парэгіи; Клодъ Друэнъ, писатель; Николай Савини, инквизиторъ въ Мецѣ; Клодъ Салини, доминиканецъ, настоятель монастыря Братьевъ проповѣдниковъ; францисканецъ Доминикъ Дофинъ; Николай Оричи, францисканецъ; протоіерей Реньо и Жанъ Леонаръ, консисторскій судья при дворѣ епископа. Но Агриппа былъ въ дурныхъ отношеніяхъ не со всѣми монахами; въ одномъ изъ многочисленныхъ монастырей Меца, въ Целестинскомъ, въ которомъ процвѣтали науки, ему былъ оказанъ благосклонный пріемъ, и тамъ онъ встрѣтилъ въ Клодѣ Дьедоннэ, монахѣ-целестинцѣ, истиннаго друга, восторженнаго послѣдователя и поклонника; переписка между Агриппою и К. Дьедоне (Deodatus) заключаетъ въ себѣ 12 писемъ (1518—1521 гг.). Авт.

ходилось имѣть дѣло съ монахами. Его переписка съ Рожэ Бренрономъ тянется въ продолженіе двухъ лѣтъ, не безъ перерывовъ, о которыхъ слѣдуетъ искренно сожалѣть. Въ этихъ письмахъ часто попадается имя Шателэна, по поводу одного дѣла, заботливо поручаемаго имъ Бреннону, касающагося, очевидно, какихъ-нибудь открытій въ области химіи, которыя Агриппа и его ученики старались сохранить втайнѣ. Если разсматривать дѣятельность Агриппы съ этой стороны, становится ясно, до какой степени мало были знакомы съ нимъ Павель Іовій, Тевэ, Дельріо и подобные имъ біографы.

Что дѣлаетъ Агриппа въ Кёльнѣ? Судя по письмамъ, онъ кажется счастливымъ и безпрестанно предлагаетъ Бреннону пріѣхать навѣстить его, въ его маленькомъ домикѣ, гдѣ все улыбается, гдѣ все счастливо и гдѣ добрякъ Бреннонъ встрѣтитъ самый радушный пріемъ. Но въ Кёльнѣ также идутъ религіозные споры. Искушеніе слишкомъ велико для Агриппы. Нападаютъ на Рейхлина, его учителя, на того Капніона, который уже былъ причиной стольких непріятностей для Агриппы; онъ еще разъ выступаетъ на его защиту съ новой страстностью и въ концѣ концовъ ему приходится переселиться изъ Кёльна въ Женеву.

Вначалѣ у Агриппы не было намѣренія остаться въ Женевѣ надолго; онъ надѣялся, что, для переѣздки въ Шамбери, герцогъ Савойскій назначитъ ему обѣщанный пенсіонъ [1], въ ожиданіи котораго

[1] Или же мѣсто герцогскаго врача: Epist, III, 24, 29, 30. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ Агриппа писалъ изъ Кельна Бреннону: «я собираюсь провести здѣсь еще этотъ годъ, но на будущій годъ разсчитываю перебраться въ Савою». Авт.

Агриппа проживалъ въ Женевѣ, терпя такую нужду, что не имѣлъ даже денегъ, необходимыхъ на переѣздъ изъ Женевы въ Шамбери. Къ бѣдности присоединялось одиночество: жена Агриппы умерла въ Мецѣ, куда онъ заѣхалъ по дорогѣ изъ Кёльна въ Женеву, и это, быть можетъ, послужило одной изъ главныхъ причинъ, заставившихъ его отказаться отъ борьбы. Въ рядѣ писемъ того времени Агриппа говоритъ о здоровьѣ своей жены въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ; но нѣтъ ни одного письма, относящагося къ печальному событію, облекшему его въ трауръ. Это весьма понятно: вѣдь въ самомъ Мецѣ онъ былъ окруженъ друзьями, которыхъ въ иномъ случаѣ онъ не преминулъ бы увѣдомить о своей утратѣ.

Намъ неизвѣстно имя этой женщины; мы знаемъ только, что она была уроженка Павіи, что Агриппа женился на ней въ концѣ 1514 года. Въ 1518 году она послѣдовала за своимъ мужемъ въ Мецъ, гдѣ обращала на себя вниманіе миловидностью и эксцентричностью своего костюма; это мы знаемъ по разсказамъ Филиппа де-Виньёля, знавшаго ее[1]. Бреннонъ схоронилъ ее въ своей церкви Святого Креста въ Мецѣ; Агриппа благоговѣйно чтилъ память усопшей[2], молясь въ годовщину ея смерти за упокой ея души. Съ 21 марта 1521 года по число, приближающееся къ

[1] Huguenin. Chronique de la ville de Metz, p. 756. Авт. Агриппа, говоря о своей первой женѣ, называетъ ее virginem nobilem bene moratam (Epist., II, 19), но нѣтъ причинъ понимать первое выраженіе буквально, въ смыслѣ знатности происхожденія, — вѣроятно, оно употреблено въ смыслѣ духовнаго благородства. В. Б.

[2] Въ письмахъ Агриппы разсѣяны восторженныя похвалы его первой женѣ; онъ почтилъ ея память также нѣкоторыми богоугодными дѣяніями. Epist., II, 19; IV, 20, 27 и др. Авт.

26-му іюня, произошли, судя по перепискѣ [1], и отъѣздъ Агриппы изъ Кёльна, и его трагическое временное пребываніе въ Мецѣ, и его прибытіе въ Швейцарію и его поселеніе въ Женевѣ, куда онъ привезъ съ собой своего сына Теодорика, родившагося, вѣроятно, въ Италіи въ началѣ 1515 года, слѣдъ котораго теряется около 1522 года [2].

VI.

Вдовство Агриппы продолжалось всего одинъ годъ, такъ какъ вскорѣ онъ вступилъ во второй бракъ съ уроженкой Женевы, Жанной-Луизой Тисси, юность, красоту, кротость, преданность и благородное происхожденіе которой Агриппа воспѣваетъ съ такимъ же лиризмомъ, съ которымъ онъ отзывался о своей первой женѣ. Жанна-Луиза родилась 9 сентября 1503 года; женился на ней Агриппа въ Женевѣ 17 сентября 1521 года. Впослѣдствіи Агриппа произнесъ торжественное надгробное слово на смерть своей новой подруги [3].

Отъ этого брака родилось шестеро дѣтей, изъ которыхъ старшій, Гэмонъ, родившійся въ 1522 году въ Женевѣ, былъ крестникомъ оффиціала [4] Евстахія Шапюи [5], ставшаго вскорѣ посланникомъ Карла

[1] Epist., III, 6 и 7; I, 47; II, 57. Авт.

[2] Орсье называетъ перваго сына Агриппы Теодорикомъ. Надо сказать, что у насъ нѣтъ прямыхъ доказательствъ, что таково было его имя. Мнѣніе, что перваго сына Агриппы звали Теодорикомъ, основано, повидимому, на неправильномъ пониманіи одного мѣста въ перепискѣ Агриппы (Epist., II, 57 см. Prost. II, 454). В. Б.

[3] Epist., III, 60; V, 81, 82, 83, 84, 85. Авт.

[4] Судья въ духовныхъ судахъ. В. Б.

[5] Оффиціалъ Женевскаго епископства до 1523 г.; затѣмъ совѣтникъ герцога Савойскаго; потомъ въ 1527 г. докладчикъ

Пятаго при дворѣ Генриха VIII, и никогда не прекращавшаго дѣятельной переписки съ Агриппой[1]. Проживъ въ Женевѣ мѣсяцевъ 18 или 20, Агриппа переѣхалъ во Фрейбургъ въ началѣ 1523 г.; тутъ онъ провелъ годъ въ качествѣ городского врача, получая 127 ливровъ въ годъ, одинъ мюйдъ пшена, бочку Лавосскаго вина и безплатное помѣщеніе[2].

Почему же Агриппа покинулъ Женеву? Онъ жилъ тамъ только въ надеждѣ на то, что герцогъ Савойскій исполнитъ данное имъ обѣщаніе и назначитъ Агриппѣ ежегодное содержаніе. Чтобы достигнуть этой цѣли, онъ обратился къ помощи своихъ самыхъ могущественныхъ друзей, Евстахія Шапюи, оффиціала епископа Савойскаго, аббата Бонмонта, бывшаго Женевскимъ епископомъ, и принца де-Люсянжъ; всѣ они дѣятельно содѣйствовали достиженію надеждъ Агриппы. Но, несмотря на всѣ ихъ усилія, они потерпѣли неудачу благодаря систематическому противодѣйствію городского канцлера, не хотѣвшаго ничего слышать объ Агриппѣ, такъ какъ былъ, безъ сомнѣнія, возстановленъ противъ него врагами, которыхъ тотъ себѣ нажилъ вспыльчивостью своего характера и рѣзкостью своего пера. Впрочемъ распутать нить этой придворной интриги не легко, и мы просто послѣдуемъ за Агриппой во Фрейбургъ, куда онъ неожиданно переѣхалъ, нигдѣ не ука-

въ имперскомъ Совѣтѣ, и наконецъ, съ 1529 по 1546, посланникъ въ Англіи. Онъ былъ крестнымъ отцомъ маленькаго Гэмона Агриппы. Авт.

[1] Переписка между Шапюи и Агриппой состоитъ изъ 15 писемъ. Epist. fam. III, 21, 28, 38, 39, 49, 58, 63, 68, 74, 76, 78; VI, 19, 20, 29, 33. Авт.

[2] Въ архивѣ города Фрейбурга отъ 1523—24 г. еще сохраняются счета городского казначея, въ которыхъ упоминается имя Агриппы. См. также Manuel du Conseil, № 40. Авт.

зывая, какъ онъ покинулъ Женеву и кѣмъ онъ былъ отозванъ.

Во Фрейбургѣ Агриппа, оставившій сына своего Гэмона на попеченіе Евстахія Шапюи, занимается медицинской практикой и живетъ вмѣстѣ со своей женой въ сравнительномъ достаткѣ. О религіозныхъ спорахъ нѣтъ болѣе и помину и, кажется, что счастье, выпавшее на его долю, неожиданно смягчило неуживчивый характеръ бывшаго капитана императора Максимиліана и пиренейскаго искателя приключеній. Отдавшись всецѣло женѣ, друзьямъ и наукѣ, Агриппа переживаетъ полосу спокойствія, не забрасывая, впрочемъ, своего главнаго—творчества [1].

Сторонники оккультныхъ наукъ пишутъ Агриппѣ со всѣхъ сторонъ какъ учителю или какъ генію, которому одному доступна истина, и духовенство приписываетъ немало колдуновъ школѣ Агриппы. Его письма и страницы его Оккультной философіи переписываются тѣми и другими и съ жадностью прочитываются среди монастырскаго безмолвія. Оставаясь безстрастнымъ, величественнымъ и сдержаннымъ, Агриппа хранитъ ключъ отъ своей тайны и довѣряетъ его лишь тѣмъ изъ посвященныхъ, которыхъ считаетъ достойными столь торжественнаго откровенія [2].

[1] Вслѣдъ за Гэмономъ у Агриппы родилась во Фрейбургѣ дочь, умершая ребенкомъ 20 авг. 1524 г. (Epist. III, 60); затѣмъ четверо сыновей: въ Ліонѣ—Генрихъ, въ 1524 г., крестный сынъ Henri Bohier, Ліонскаго сенешаля (Epist. III, 60), въ Ліонѣ же—Іоганнъ, въ іюлѣ 1525 г., крестный сынъ Лоррэнскаго кардинала (Epist. III, 76, 79), и еще двое, именъ которыхъ мы не знаемъ, одинъ въ Ліонѣ, въ 1527 г., другой въ Антверпенѣ, 13 марта 1527 г. (Epist. IV, 43; V, 7, 55, 67, 68). Мы знаемъ, что въ 1528 г. у Агриппы было въ живыхъ только четыре сына. В. Б.

[2] Объ отношеніяхъ Агриппы къ магіи см. наше предисловіе. В. Б.

Несмотря на довольство и на безмятежное счастье, какими Агриппа пользуется въ Фрейбургѣ[1], его влекутъ къ новымъ приключеніямъ[2] потребность въ перемѣнахъ и тщеславное желаніе предоставить болѣе достойное поприще своему таланту; его пребываніе въ этомъ городѣ было еще болѣе кратковременнымъ, чѣмъ въ Женевѣ, такъ какъ 9 іюля 1523 года прошеніе объ отставкѣ нашего кочевника-врача изъ Кельна было принято Малымъ Совѣтомъ. Но между Агриппой и фрейбургскими властями сохранились наилучшія отношенія, такъ какъ постановленіемъ отъ 8 февраля 1524 года, вынесеннымъ за нѣсколько дней до его отъѣзда, ему было выдано шесть флориновъ на путевыя издержки. Агриппа продлилъ еще на шесть мѣсяцевъ свое пребываніе во Фрейбургѣ, отказавшись отъ должности врача для бѣдныхъ и занимаясь вольной медицинской практикой[3]. При подобныхъ же обстоятельствахъ, нѣсколько лѣтъ спустя, Раблэ обнаружилъ подобную же беззастѣнчивость; съ той разницей только, что, удалив-

[1] Судя по словамъ одного изъ писемъ Агриппы къ Шапюи (Epist., III, 38) можно подумать, что этотъ послѣдній содѣйствовалъ назначенію Агриппы врачомъ города Фрейбурга. Письмо это отъ 20 марта 1523. Авт.

[2] Epist., III, 55, 56 и 57. Его друзьями въ Фрейбургѣ были нотаріусъ Палланшъ «arcanarum rerum magnus indagator» (Epist, III, 42); главный пѣвчій церкви Св. Николая Іоаннъ Ваннемахеръ, музыкальный композиторъ; Іоганнъ Рейфъ, судья Грансона и казначей республики; Ѳома де Гирфакъ и др. Изъ Фрейбурга Агриппа обмѣнивается письмами съ Клодомъ Шансоннеттомъ, жившимъ въ Базелѣ, съ Шапюи, бывшимъ въ Женевѣ, съ Христофоромъ Шиллингомъ—въ Люцернѣ и съ Клодомъ Бланшрозомъ, бывшимъ городскимъ врачомъ на жалованьи въ Аннеси, опубликовавшимъ свою Терапевтику въ Ліонѣ въ 1531 г. Авт.

[3] Какъ мы видѣли выше, Агриппа не имѣлъ офиціальнаго права на медицинскую практику. В. Б.

шись безъ отпуска, онъ получилъ отказъ отъ должности отъ завѣдующихъ городской больницей 5 марта 1534 года[1]. Уѣзжая изъ Фрейбурга, Агриппа оставилъ тамъ друзей, о которыхъ могъ жалѣть. Въ первомъ его письмѣ, написанномъ изъ Ліона 3 мая 1524 года, послѣ разлуки съ этими друзьями, попадаются слѣдующія строки: «apud Friburgum insuper perpetuos reliqui mihi amicos», т.-е.: «во Фрейбургѣ я оставилъ также много друзей».

Онъ сохранилъ память объ нихъ.

VII.

Уже съ давнихъ поръ Агриппу влекло къ Франціи: онъ провелъ въ ней нѣкоторое время въ молодости, учась въ Парижскомъ университетѣ, который онъ покинулъ съ сожалѣніемъ, такъ же какъ и своихъ многочисленныхъ парижскихъ друзей. Въ Ліонѣ у него также были друзья, питавшіе къ нему безграничное уваженіе и особенно заботливо прославившіе его какъ опытнаго врача, вслѣдствіе чего его пріѣздъ въ Ліонъ встрѣтилъ радушнѣйшій пріемъ. Если бы дворъ находился въ Парижѣ, Агриппа, безъ сомнѣнія, направился бы туда, такъ какъ ему крайне хотѣлось выдвинуться и похвалиться своими разносторонними познаніями; но въ виду того, что дворъ пребывалъ въ то время въ Ліонѣ, онъ поѣхалъ въ этотъ городъ. Въ Ліонъ Агриппа прибылъ 2 или 3 мая 1524 г. въ то самое время, когда Францискъ I былъ облеченъ въ трауръ по рыцарѣ Баярдѣ, только что убитомъ имперцами при Романьяно[2]. Дѣла короля находи-

[1] Epist., III, 41. Авт.

[2] 30 апрѣля 1524 г. Авт.

лись въ это время далеко не въ цвѣтущемъ состоянiи, и гордому Кельнскому бродягѣ пришлось вынести на себѣ отголоски превратностей королевской судьбы. Я приведу слѣдующiя характерныя мѣста изъ одного изъ его писемъ къ Шапюи, помѣченнаго Лiономъ, 3 мая 1524 года:

«Черезъ самыя разнообразныя случайности, черезъ величайшiя бѣдствiя, мы добрались, однако, до Лiона, гдѣ я наслаждаюсь близостью со старыми друзьями; въ этомъ городѣ, гдѣ мнѣ открывается множество благопрiятныхъ случаевъ, я начинаю наконецъ добиваться почета, славы и счастья. Во Фрейбургѣ я оставилъ также много друзей, которыхъ никогда не забуду. Между прочимъ я ожидаю посланнаго отъ короля, который выдастъ мнѣ золотомъ мое вознагражденье; и я уже получилъ отъ его казначея нѣсколько золотыхъ на свое устройство... Сына Гэмона, оставшагося у васъ, поручаю твоимъ заботамъ... Прошу тебя также позаботиться о извѣстныхъ тебѣ моихъ картинахъ (tabulae illae meae), такъ какъ скоро я пошлю тебѣ денегъ, чтобы выкупить ихъ и послать мнѣ» [1].

Казалось, что Агриппа, въ самомъ дѣлѣ, добился лучшаго положенiя. Будучи представленъ ко французскому двору Симфорьеномъ Бюллью, уроженцемъ Лiона, бывшимъ въ то время епископомъ въ Базасѣ [2],

[1] Epist, III, 58. Авт.

[2] 1480 — 1533. Онъ былъ епископомъ въ Гландевѣ (1509), въ Базасѣ (1515) и въ Суассонѣ (1528); но главнымъ образомъ ему поручались дипломатическiя миссiи. Онъ былъ назначенъ губернаторомъ Милана Людовикомъ XII, затѣмъ былъ посланъ къ Юлiю II, чтобы уладить какiя-то осложненiя; принималъ участiе во вселенскихъ соборахъ, бывшихъ въ Пизѣ и Латеранѣ. Францискъ I поручилъ Бюллью руководить двумя

онъ былъ назначенъ лѣкаремъ вдовствующей королевы и завелъ знакомство съ Жаномъ Перреалемъ, королевскимъ живописцемъ, съ Денисомъ Тюрэномъ, Гійомомъ Копомъ и Андре Бріо, королевскими медиками, съ о. Жаномъ де-ла-Грэвъ, францинсканцемъ монастыря Св. Бонавентуры въ Ліонѣ, и, наконецъ, съ Жаномъ Шапелэномъ, который былъ, какъ и самъ Агриппа, врачомъ Луизы Савойской и къ которому онъ до конца питалъ самыя дружественныя чувства.

Для Агриппы званіе врача вдовствующей королевы было лишь званіемъ, подъ которымъ таилось другое. Мать Франциска I была какъ и всѣ женщины, живущія роскошью и страстью, довѣрчива и суевѣрна: она, несомнѣнно, не могла не знать объ отношеніи своего новаго лѣкаря къ магіи, а для гадателей около нея была благодарная почва. Извѣстно, до какой степени вдовствующая королева вмѣшивалась въ политику; извѣстно также, за что былъ повѣшенъ Самблансэ. Агриппѣ весьма мало приходилось заботиться о здоровьѣ Луизы Савойской, чувствовавшей себя превосходно. Но она настойчиво требовала отъ него, чтобы онъ предсказывалъ успѣхи ея сына, воевавшаго подъ Павіей съ Бурбономъ.

Въ одномъ письмѣ къ Шапюи, отъ 21 мая 1525 г., Агриппа признается «что у него есть многое что сказать о текущихъ событіяхъ, но что этого ему нельзя сдѣлать съ тѣхъ поръ, какъ онъ имѣетъ доступъ на тайныя совѣщанія государыни...» Агриппа съ истин-

съѣздами, созванными для рѣшенія вопроса о Коннетаблѣ и объ условіяхъ Мадридскаго мира. Агриппа находился въ частой перепискѣ съ этимъ прелатомъ (Epist., IV, 9, 14, 15, 22, 24, 31, 39, 47, 49, 53, 66, 69, 74, всѣ эти письма относятся къ 1526 г.) и посвятилъ ему свою Dehortatio gentilis theologiae въ 1526 г. Авт.

нымъ отвращеніемъ игралъ ту роль колдуна, которую Луиза навязывала ему. Онъ искалъ лучшаго примѣненія тѣхъ способностей, которыми наградила его природа, и отказывался (если вѣрить его письмамъ), несмотря на обращаемыя къ нему просьбы, предсказывать судьбу по звѣздамъ или другими способами разнымъ лицамъ при дворѣ, хотя бы то былъ король, герцогъ или принцъ [1]. Такая независимость характера не очень нравилась вдовствующей королевѣ, тѣмъ болѣе, что Агриппа, какъ она знала, не обнаружилъ такой несговорчивости по отношенію къ Коннетаблю.

Здѣсь нужно замѣтить, чтобы опредѣлить точнѣе характеръ бродячаго ученаго, что у Агриппы не было ни политическаго энтузіазма, ни патріотизма, ни щепетильности. Стоило только предложить ему тѣ почести, которыхъ онъ постоянно жаждалъ, и деньги, которыхъ ему никогда не хватало, какъ онъ былъ готовъ заниматься любымъ дѣломъ и служить любой партіи; но онъ не любилъ, чтобы его принимали за гадателя [2]. Онъ не былъ ни нѣмцемъ, ни швейцарцемъ, ни фламандцемъ, ни французомъ, ни испанцемъ; онъ былъ всѣмъ сразу, судя по сторонѣ, откуда дулъ вѣтеръ удачи. Да и не былъ ли XVI вѣкъ полонъ подобными искателями приключеній, которымъ слово «родина» было совершенно чуждо? Продавались услуги, способности, храбрость и даже добродѣтель тому или иному владыкѣ, по мѣрѣ того какъ на нихъ подымалась цѣна. Тому, кто больше платилъ, и служили лучше. Луиза Савойская не платила; что касается до Франциска I, то онъ былъ

[1] Epist., III, 68. Авт.

[2] Самъ Агриппа называлъ себя «магомъ» (magus qui sum), но подъ магіей разумѣлъ не искусство гаданія, а особое философское ученіе о тайнахъ вселенной. В. Б.

занятъ иными дѣлами, такъ какъ передъ нимъ стоялъ самый упорный изъ всѣхъ враговъ, которыхъ когда-либо имѣлъ король Франціи,—Карлъ V.

VIII.

Что касается Коннетабля Бурбонскаго, то поступить къ нему на службу Агриппу уже уговаривали, когда онъ былъ во Фрейбургѣ, его друзья, бывшіе на сторонѣ императора. Агриппа самъ склонялся къ тому, чтобы стать союзникомъ Карла V, покинувъ Франциска I; но все же онъ отказался отъ предложеній, сдѣланныхъ ему въ то время. Быть можетъ, онъ находилъ ихъ слишкомъ скромными; быть можетъ, онъ ожидалъ большаго отъ французскаго двора. Разочарованія, постигшія его при Луизѣ Савойской и при королѣ, ея сынѣ, заставили Агриппу прислушаться къ инымъ предложеніямъ.

Въ письмахъ къ своимъ друзьямъ онъ предсказалъ Коннетаблю [1] нѣсколько успѣшныхъ дѣлъ, которыя тотъ выполнилъ безъ труда. Такимъ образомъ одной ногой онъ стоялъ въ одномъ лагерѣ, другой—въ другомъ. Съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на поведеніе Агриппы, по справедливости, его нельзя оправдать: однако, кое-какія извиненія ему можно подыскать: тщеславный, крайне раздражительный, постоянно жившій какъ кочевникъ, безъ прочныхъ корней въ какой бы то ни было странѣ,

[1] Утверждаютъ, что сношенія Агриппы съ Коннетаблемъ начались въ 1523 г.; но точной датой надо считать 1524 годъ, когда Агриппѣ были впервые переданы предложенія Бурбона (см. Epist. IV, 53, 62, 65; VII, 21). Письмо Агриппы къ Христофору Шиллингу отъ 1523 г. ничего не доказываетъ (Epist., III, 40). Авт.

вращаясь въ той средѣ, гдѣ самыя постыдныя измѣны охотно принимались за ошибки, вызванныя обманутымъ честолюбіемъ, или за месть, когда оказанныя услуги оплачивались неблагодарностью или презрѣніемъ,—Агриппа долженъ былъ тѣмъ острѣе чувствовать оказываемую ему несправедливость и то равнодушіе, съ какимъ встрѣчались его жалобы, его угрозы и даже его добровольное униженіе. Да и не былъ ли онъ, въ концѣ концовъ, нѣмцемъ;—слѣдовательно, переходя на сторону Карла, онъ не измѣнялъ своей родинѣ.

Для того, чтобы правильно судить о людяхъ, не слѣдуетъ вырывать ихъ изъ ихъ эпохи. Тотъ вѣкъ, въ которомъ они живутъ, образуетъ вокругъ нихъ какъ бы непреодолимую раму. Но по всему видно, что авторъ «Сокровенной философіи» былъ довольно справедливо оцѣненъ вдовствующей королевой, вскорѣ ставшей Регентшей: весьма скоро она ограничилась по отношенію къ непокорному гадателю лишь тѣмъ, что чисто по-женски возненавидѣла его. Агриппу не обвинили въ томъ, что онъ гадалъ Коннетаблю [1]: настаивали лишь на томъ, что онъ отказывался гадать Луизѣ Савойской.

Но и женская ненависть—вещь не пустяшная; кельнскій докторъ, который не захотѣлъ стать колдуномъ, но который многое далъ бы за то, чтобы глубже проникнуть въ королевскую политику, убѣдился въ этомъ на горькомъ опытѣ. Въ видѣ утѣшенія въ его разочарованіяхъ у него оставались его реторты, но королева Луиза доходила до того въ своемъ пренебреженіи къ нему, что не давала ему даже разводить огонь въ печахъ. И тщетно, дабы умилостивить

[1] Epist., V, 4 и 6. Авт.

ее, онъ посвятилъ принцессѣ Маргаритѣ свое небольшое opusculum «О таинствѣ брака» [1]. Это риторическое изложенiе далеко не понравилось приближеннымъ принцессы, что видно изъ писемъ, написанныхъ по этому поводу Шапелэномъ [2] Агриппѣ. Его враги не замедлили воспользоваться этимъ для того, чтобы оклеветать его передъ Маргаритой въ принадлежности къ партiи Бурбона. Послѣ этого Агриппа лишился могучей поддержки принцессы, и, оставшись безъ всякой помощи, впалъ въ крайнюю нищету. Его письма того времени поочередно проникнуты то гордостью, то униженностью, смотря по тому, исполненъ ли онъ надеждъ или чувствуетъ всю горечь разочарованiй.

Въ довершенiе несчастiй, вдовствующая королева покидаетъ Лiонъ, въ сопровожденiи своей дочери и большей части придворныхъ, и отправляется къ испанской границѣ, навстрѣчу сыну. Несчастный Агриппа получаетъ тогда приказанiе не трогаться съ мѣста [3]. Однако, чтобы эта немилость не получила слишкомъ рѣзкаго толкованiя, Агриппѣ дали понять, что въ скоромъ времени онъ будетъ переведенъ въ

[1] Напечатано въ Лiонѣ, въ 1526 г. Авт. Это первое печатное сочиненiе Агриппы, крохотная книжка, въ 36 стр.; латинскiй текстъ сопровождается французскимъ переводомъ, сдѣланнымъ самимъ авторомъ. Послѣднее обстоятельство даетъ нѣкоторый поводъ французскимъ ученымъ считать Агриппу писателемъ французскимъ. В. Б.

[2] Epist., III, 2. Ср. Herminjard, т. I, стр. 427. Переписка Агриппы съ Жаномъ Шапелэномъ состоитъ изъ 54 писемъ, изъ которыхъ 12 принадлежатъ Шапэлену. Авт.

[3] Такимъ образомъ Агриппа не сопровождалъ Регентшу въ ея путешествiи въ Байонну, навстрѣчу Франциску I, который тогда былъ освобожденъ изъ плѣна (18 марта 1526 г.). Но Шапелэнъ состоялъ въ числѣ королевской свиты. Авт.

другой французскій городъ, гдѣ ему будетъ дана возможность показать свои таланты. Что же касается до вознагражденія, слѣдуемаго ему за бытность медикомъ вдовствующей королевы, и до пенсіи, обѣщанной Францискомъ I, то объ этомъ не было сказано ни слова. Тѣмъ не менѣе жить было надо. Лучшіе друзья Агриппы, будучи людьми несостоятельными, могли быть ему полезными лишь въ очень скромныхъ размѣрахъ. А между тѣмъ, врачу приходилось поневолѣ держаться извѣстнаго образа жизни, у него были жена, дѣти и довольно многочисленная челядь. Что было дѣлать Агриппѣ, чтобы покрыть всѣ эти расходы?

Бурбонская партія предлагала Агриппѣ службу у себя; но онъ не допускалъ мысли, что его отношенія съ французскимъ дворомъ кончены, и не осмѣливался еще открыто измѣнить Франциску. Агриппа отважился только послать Бурбону свои предсказанія, но сдѣлалъ это такъ неосторожно, что ихъ сношенія ни для кого не остались тайной. Агриппа оправдывался отъ обвиненія въ измѣнѣ болѣе энергично, нежели искренно; въ доказательство неправдоподобности своего вѣроломства, онъ ссылался на ту услугу, которую онъ будто бы оказалъ королю, помѣшавъ 4000 пѣхотинцамъ, которыми командовалъ его родственникъ, Илленсъ де Гролэ[1], перейти на сторону непріятеля. Во многихъ изъ своихъ писемъ Агриппа намекаетъ на предложенія бурбонцевъ и говоритъ, что «приметъ ихъ, если его доведутъ до этого».

Между тѣмъ, Коннетабль по-прежнему шелъ отъ

[1] См. замѣтку Charvet въ Revue Savoisienne, 1874 г., стр. 85—88. Авт.

успѣха къ успѣху и уже готовился къ осадѣ Рима. Такъ какъ это должно было стать событіемъ рѣшительнымъ въ жизни этого мятежника, то онъ счелъ нужнымъ посовѣтоваться съ гадателями. Онъ обратился именно къ Агриппѣ. Агриппа отвѣтилъ ему съ торжественной увѣренностью, что безстрашному завоевателю будетъ довольно затрубить въ трубы,—чтобы пали стѣны Вѣчнаго Города[1]. Но предсказатель упустилъ одно важное обстоятельство, именно то, что Коннетабль будетъ при взятіи города убитъ. Впрочемъ, предсказывать такія вещи было не особенно удобно, что, конечно, не должно было ускользнуть отъ прозорливости философа. Безъ всякаго сомнѣнія, услуги Агриппы по отношеніи къ Бурбону не были безкорыстными, и онъ, конечно, получалъ кое-что отъ щедротъ Бурбона; но Агриппа никогда не упоминаетъ ни о чемъ подобномъ въ своихъ письмахъ, и если онъ и получалъ вспомоществованія съ этой стороны, то ихъ не было достаточно, чтобы привести въ порядокъ его дѣла.

То былъ самый подходящій случай для Агриппы примѣнить свои алхимическія познанія, чтобы превращать въ золото неблагородные металлы и открыть, наконецъ, философскій камень, который онъ искалъ самъ и заставлялъ искать своихъ приверженцевъ во всей Европѣ. Но даже оккультныя знанія оказались безсильны передъ нуждой. Отложивъ въ сторону реторты и перегонные кубы, не оправдавшіе его ожиданій, Агриппа обратился къ мольбамъ, чтобы добиться насущнаго хлѣба, говоря «что ему нуженъ всего

[1] Epist., V, 4 и 6. Агриппа 30 марта 1527 г. предсказалъ успѣхъ Коннетаблю, а 6-го мая Коннетабль уже погибъ при осадѣ Рима. Авт.

лишь одинъ день для того, чтобы обратить его въ драгоцѣннѣйшій изъ металловъ» [1]. Эта борьба Агриппы съ казначеями и королевскими плательщиками не лишена характерности для своего времени. Она показываетъ намъ, въ какомъ странномъ состояніи находились въ то время финансы, какъ ими управляли и, въ то же время, какъ обращались придворные банкиры со своими должниками.

IX.

Вдовствующая королева, уѣзжая изъ Ліона, взяла съ собой, въ своей свитѣ, большую часть придворныхъ, и среди нихъ Шапелэна, близкаго друга Агриппы. Шапелэнъ, при каждомъ подходящемъ случаѣ, напоминаетъ объ Агриппѣ; онъ неутомимо восхваляетъ достоинства своего забытаго друга, говоритъ объ оказанныхъ имъ услугахъ, о его дарованіи писателя, о его преданности вдовствующей королевѣ и принцессѣ Маргаритѣ; иногда его выслушиваютъ, но всѣ обѣщанія, какія ему даютъ, оказываются пустыми словами. Похоже на то, что при дворѣ стараются отдѣлаться отъ усерднаго предстателя, обѣщая ему на словахъ все, что онъ проситъ; самъ Шапелэнъ, отдавая Агриппѣ отчетъ о своихъ попыткахъ и настойчивыхъ стараніяхъ, не скрываетъ отъ него, что переговоры затянутся на долго, въ силу непостоянства Луизы Савойской [2]. Король, которому дѣло было доложено, рѣшилъ, что Агриппѣ слѣдуетъ уплатить. Даютъ знать казначеямъ, что они въ скоромъ времени получатъ объ этомъ приказъ; но приказъ такъ и не былъ

[1] Epist., IV, 56. Ср. V, 3. Авт.

[2] Ср. Epist., IV, 54, 75; V, 3, 7. Авт.

данъ, и философъ, обманутый въ своихъ надеждахъ, доведенъ былъ до послѣдней крайности. Весьма вѣроятно, что Агриппа получалъ кое-какіе подарки отъ Коннетабля, но несомнѣнно, что онъ многое и часто получалъ отъ Евстахія Шапюи, своего знаменитаго друга, который, какъ политическій агентъ Карла V, пользовался Агриппой для полученія нѣкоторыхъ дипломатическихъ свѣдѣній. Но деньги таяли въ рукахъ Агриппы; чтобы покрыть свои расходы, ему приходилось прибѣгать къ медицинской практикѣ, такъ какъ, по словамъ близко знавшаго его Жана Вира [1], «онъ не переставалъ вести жизнь расточительную». Кромѣ того, родственникъ Агриппы Гійомъ Фюрбити, ліонскій сенешалъ Анри Сойе, и его собратъ Шапелэнъ, не считая другихъ вліятельныхъ лицъ, не покидали Агриппы въ его затруднительномъ положеніи.

Агриппа вмѣстѣ съ Шапелэномъ продолжалъ добиваться своего жалованья. При дворѣ не переставали давать обѣщанія и въ то же время не переставали откладывать рѣшительный отвѣтъ. Была минута, когда Агриппа могъ думать, что достигъ своей цѣли: интендантъ Баргуэнъ, питавшій къ Агриппѣ глубокое уваженіе и вообще расположенный ко всѣмъ писателямъ, написалъ въ Ліонъ казначею Мартэну де Труа, чтобы тотъ уплатилъ слѣдуемое. Болѣе того, подлиннымъ приказомъ вдовствующей королевы было объявлено, что должно поторопиться съ рѣшеніемъ этого дѣла. Увѣдомленный Шапелэномъ, Агриппа отправляется къ Мартэну де Труа, но тотъ ссылается на то, что не получилъ никакого приказа. Нѣсколько дней

[1] О І. Вирѣ см. ниже наше примѣчаніе къ гл. XIII, стр. 72. В. Б.

спустя Пьеръ Сала, офицеръ королевской службы и родственникъ Базасскаго епископа, доставляетъ Агриппѣ письмо, въ которомъ прелатъ утверждаетъ, что королевой былъ данъ Мартэну де Труа приказъ объ уплатѣ. Этотъ послѣдній, подъ вліяніемъ новыхъ настояній философа, сознается, что имъ, на самомъ дѣлѣ, полученъ приказъ—выдать деньги нѣкоторымъ людямъ, но что имя Агриппы въ спискѣ не упомянуто. Послѣ этого, Агриппа получаетъ изъ Ангулема извѣстіе: что деньги ему выдастъ другой королевскій казначей, Антуанъ Бюллью. Этотъ чиновникъ находится въ отлучкѣ, но Агриппа находитъ на его мѣстѣ брата его Томаса; тотъ говоритъ, что у него есть коекакія бумаги, въ которыхъ, быть можетъ, и упоминается объ Агриппѣ, но что онъ долженъ пересмотрѣть ихъ. На слѣдующій день Агриппа приходитъ вновь, въ сопровожденіи своего друга Адемара де-Боже: Томасъ Бюллью выходитъ черезъ другую дверь и куда-то исчезаетъ, заставляя обоихъ посѣтителей напрасно ждать его въ теченіе многихъ часовъ. Письмо, написанное Агриппой Шапелэну по этому поводу, исполнено горестной сдержанности: онъ еще не смѣетъ дать волю своему гнѣву.

Среди всѣхъ этихъ денежныхъ заботъ, Агриппа не покидаетъ научныхъ занятій; если онъ на время прерываетъ свою переписку и какъ бы забываетъ и Шапелэна, и епископа Базасскаго, своихъ усердныхъ покровителей, то лишь для того, чтобы побесѣдовать съ Рожэ Бренномомъ, Клодомъ Шансоннеттомъ, Лефэвръ д'Этаплемъ и другими старыми и вѣрными друзьями. Въ письмахъ къ нимъ, онъ не касается пошлыхъ жизненныхъ тревогъ; рѣчь идетъ исключительно о дорогой для всѣхъ нихъ наукѣ и о надеждахъ, основанныхъ на чудесныхъ открытіяхъ алхи-

міи[1]. Между тѣмъ прошло три недѣли, а жалованье все не было уплачено. Агриппа пишетъ новое письмо Шапелэну: онъ доведенъ до того, что соглашается «если это нужно», стать астрологомъ, гадателемъ, кудесникомъ принцессы Маргариты; теперь у него есть все, что нужно, чтобы стать превосходнымъ гадателемъ. Порывъ гнѣва вдохновляетъ его; онъ словно возсѣлъ на треножникъ, словно отдался во власть фурій прорицательницъ: такъ измучено его сердце, такъ онъ возбужденъ гнетущими его несчастіями. И онъ, дѣйствительно, принимается за прорицанія: онъ шлетъ принцессѣ свои предсказанія, увѣряя, что они безошибочны, но проситъ въ то же время Шапелэна похлопотать, «чтобы онъ избавилъ его отъ этой позорной чепухи, отъ этихъ пустяковъ, отъ этихъ шутокъ».

Это письмо попало въ руки принцессы, но она далеко не была имъ удовлетворена. Шапелэнъ сообщилъ объ этомъ Агриппѣ и, въ томъ же письмѣ, предложилъ ему написать для «христіаннѣйшаго короля» трактатъ, разбирающій какой-нибудь вопросъ Христіанства, обѣщая поднести этотъ трактатъ королю черезъ епископа Базасскаго. Агриппа ничего не отвѣтилъ на это предложеніе. У него было немало другихъ заботъ. Заболѣла его жена и онъ опасается, что эта болѣзнь перейдетъ въ перемежающуюся лихорадку. Тѣмъ не

[1] Послѣ немилости, въ которую онъ впалъ, Агриппа понемногу пришелъ въ себя и духъ его постепенно окрѣпъ: въ 1527 году онъ свободно трактуетъ о наиболѣе сложныхъ вопросахъ науки (Epist., IV, 55, 60, 61, 70, 71; V, 2), особенно въ области физики и физіологіи; онъ освѣщаетъ также весьма своеобразно нѣкоторыя стороны исторіи въ вопросѣ о происхожденіи народовъ, главнымъ образомъ, французовъ и германцевъ, подробно и искусно разбирая относящіеся сюда источники; какъ и всегда онъ обнаруживаетъ при этомъ поразительную эрудицію. Epist., IV, 55, 72; V, 1, 11. Авт.

менѣе онъ послалъ еще одно письмо Шапелэну[1]; послѣднiй лучъ надежды видѣлся ему въ добромъ къ нему расположенiи казначея Баргуэна, о чемъ сообщалъ ему одинъ изъ его друзей. Агриппѣ было уже ясно, что принцесса не хочетъ болѣе слышать о немъ; онъ говоритъ, что не особенно о томъ сожалѣетъ и даже радуется, что избавился отъ занятiй астрологiей, которыя мучили его совѣсть.

Среди всѣхъ этихъ тревогъ, Агриппа нашелъ все же возможность, кромѣ работъ, названныхъ выше, написать рядъ прекрасныхъ страницъ для своего основного труда: «О недостовѣрности и тщетѣ наукъ и искусствъ». Агриппа не посвятилъ этого своего труда королю, такъ какъ, по его словамъ (въ письмѣ къ Шапелэну), онъ нашелъ покровителя болѣе достойнаго и лучшаго цѣнителя своего таланта. Въ этомъ письмѣ къ Шапелэну отъ 5 февраля 1527 года (1527 годъ Агриппа цѣликомъ провелъ еще въ Лiонѣ) мы читаемъ слѣдующiя строки: «Когда людьми я былъ покинутъ, ко мнѣ явился ангелъ Божiй, извлекшiй меня изъ пасти Ада и давшiй мнѣ увидѣть вновь свѣтъ Неба. Это тотъ самый человѣкъ, безмѣрно добрый, о которомъ я тебѣ уже говорилъ. Благодаря ему, я въ настоящее время не нуждаюсь ни въ чемъ»[2].

Кто же онъ, этотъ ангелъ? Что это за неожиданная помощь? Можно предположить, что Агриппа намекаетъ

[1] Epist., V, 22, 23. Письмо Шапелэна къ Агриппѣ и его отвѣтъ. Авт.

[2] Epist., IV, 44. Надо замѣтить, что Агриппа, избѣгая дороговизны гостиницъ, пользовался въ этомъ году гостепрiимствомъ въ епископскомъ домѣ, близъ монастыря Августинцевъ. Туда онъ и просилъ (Epist., V, 12) адресовать ему тайныя посланiя. Авт.

въ своемъ письмѣ на того богатаго генуэзца, Аугустино Форнари, о которомъ онъ уже въ сентябрѣ 1526 года говоритъ какъ о человѣкѣ, заслужившемъ его признательность [1]: это было крупный торговецъ изъ Генуи, имѣвшій торговыя отдѣленія въ Ліонѣ и въ Антверпенѣ и покровительствовавшій писателямъ. Его братъ, Томасъ, сопровождалъ его въ путешествіяхъ [2], а его двоюродный братъ, Николай, жилъ постоянно въ Антверпенѣ [3]. Среди друзей Форнари были—Аврелій д'Аквапенденте, монахъ изъ монастыря Августинцевъ въ Антверпенѣ, Домъ Лука, секретарь и Домъ Бернардъ де Палтринеріисъ, майордомъ кардинала-легата Лаврентія Кампеджи; эти трое были также друзьями Агриппы. Этотъ Форнари не былъ чуждъ изученію оккультныхъ наукъ, изъ которыхъ онъ надѣялся извлечь пользу, и бралъ у философа книги для чтенія. Впослѣдствіи, будучи въ Регенсбургѣ, онъ просилъ сохранить для него два экземпляра «Оккультной философіи», послѣ ея появленія въ печати [4]. Несомнѣнно, что этотъ генуэзскій меценатъ много содѣйствовалъ рѣшенію, принятому въ 1527 году Агриппою — покинуть Францію и поселиться въ Антверпенѣ.

[1] Epist., V, 3. Ср. VII, 22. Авт.

[2] Epist., VII, 10, 23. Авт. Форнари постоянно разъѣзжалъ между Генуей, Ліономъ и Антверпеномъ. В. Б.

[3] Epist., V, 63. Ср. VII, 2, 7, 21. Этотъ Николай, въ письмѣ отъ 17 окт. 1527 г. торопитъ Агриппу, бывшаго еще во Франціи, пріѣхать въ Антверпенъ. Авт. — A. Prost склоненъ думать, что этому Николаю адресовано также письмо Агриппы отъ 17 октября 1527 г. Но тогда надо предположить, что Агриппа не зналъ о родствѣ Николая съ Форнари (A. Prost, Op., cit. II, 491). В. Б.

[4] Epist., VII, 10. Ср. VIII, 2, 7, 15, 22. Ихъ переписка продолжалась въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Авт.

X.

Проживая въ Ліонѣ, Агриппа занимался то «Пиромахіей», то важными изобрѣтеніями военныхъ снарядовъ «еще доселѣ невиданныхъ», то архитектурными постройками. Несомнѣнно, что Агриппа, посылая Шапелэну свое письмо отъ 5 февраля, имѣлъ въ виду не только своего корреспондента, но и короля. Агриппа надѣялся, что это его письмо раздѣлитъ участь двухъ предыдущихъ, т.-е. что оно попадетъ въ королевскія руки [1].

Агриппа (какъ мы видимъ изъ этого письма) не прекращаетъ своихъ посѣщеній казначея Бюллью, но выноситъ изъ нихъ прежнія разочарованія. Въ каждомъ письмѣ онъ пишетъ, что Бюллью кормитъ его однѣми буллами (игра словъ). Шапелэну удалось, въ концѣ концовъ, увидаться съ королевой, но къ его сожалѣнію, онъ можетъ передать одни лишь дурныя извѣстія своему другу. Къ тому же, Луиза Савойская хвораетъ ревматизмомъ, который лишаетъ ея сна, «она кричитъ ночи напролетъ»; однимъ словомъ у нея, говоря современнымъ языкомъ, «разстроены нервы» и время совершенно не подходитъ къ тому, чтобы ей напоминали о человѣкѣ, котораго она терпѣть не можетъ. Теперь не только нѣтъ рѣчи о томъ, чтобы выдать Агриппѣ недоплаченное содержаніе, но недалеко то время, когда Агриппу офиціально лишатъ его жалованія. Что касается причинъ такой немилости, то Шапелэнъ отзывается незнаніемъ. Естественно, что такія извѣстія возбуждаютъ сильный гнѣвъ въ Агриппѣ и, въ отвѣтномъ письмѣ къ Шапелэну, онъ требуетъ, чтобы былъ назначенъ какой-нибудь судъ.

[1] Epist., V, 3. В. Б.

Пусть его, Агриппу, осудятъ, если онъ виноватъ, но пусть его оправдаютъ, если онъ не сдѣлалъ ничего дурного. Неизвѣстность слишкомъ мучительна для него, онъ не можетъ болѣе выносить ее. Онъ знаетъ, что создалъ себѣ враговъ среди придворныхъ, но онъ скорѣе гордится враждою подобныхъ людей, расположенія которыхъ онъ никогда не заискивалъ. «Я не умѣю льстить», гордо говоритъ онъ.

Отвѣтъ на это письмо не заставилъ себя ждать.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, въ октябрѣ, Агриппа былъ въ церкви Св. Іоанна, когда какой-то человѣкъ, одушевленный, повидимому, наилучшими намѣреніями, подошелъ къ нему и таинственно объявилъ, что видѣлъ имя его вычеркнутымъ изъ канцелярскаго реестра, т.-е. изъ списка королевскихъ пенсіонеровъ. «Безъ труда узнаю въ этомъ», горестно пишетъ нашъ философъ, «обычные пріемы королей и королевъ!» Затѣмъ онъ съ горькимъ удовольствіемъ распространяется о своихъ никѣмъ не признанныхъ достоинствахъ, о подобострастіи и лукавствѣ придворныхъ. Далѣе, какъ бы примирившись со своей участью, пишетъ: «Ну что же! Я поступлю, какъ путешественникъ, ограбленный разбойниками: я буду пѣть! Теперь, когда я потерялъ все, я по крайней мѣрѣ никѣмъ не буду стѣсненъ говорить и писать то, что я хочу».

Несмотря на то, Агриппа, по совѣту епископа Базасскаго, дѣлаетъ послѣднюю попытку обратиться къ вдовствующей королевѣ; но онъ самъ не вѣритъ въ удачу и съ покорностью пишетъ своимъ друзьямъ: «Разъ вы этого хотите, я согласенъ; но я первый буду изумленъ, если моя просьба будетъ имѣть успѣхъ».

Прошеніе, дѣйствительно, въ теченіе долгаго времени оставалось безъ отвѣта. Но вотъ неожиданно Шапелэнъ получаетъ отъ Агриппы слѣдующую ликую-

щую записку: «Привѣтъ, мой дорогой другъ, трижды и четырежды привѣтъ! Прощайте, князья, прощайте, короли, прощайте, Нины, прощайте, Семирамиды, прощай, вся эта власть имущая безчестность! Благословенъ Господь! Мы стали богачами, если только правдива басня» [1]). Дѣло идетъ о крупинкѣ золота, доставленнаго Агриппѣ однимъ его другомъ, котораго онъ именуетъ «язычникомъ» (vir quidem gentilitius). Друзья помѣстили въ реторту съ длиннымъ горлышкомъ, которую они старательно подогрѣвали, нѣкоторое количество «женскаго золота». Результатъ алхимическаго опыта былъ таковъ, что Агриппа былъ увѣренъ получать въ будущемъ груды золота, благодаря которымъ онъ станетъ богаче самого Мидаса; само собою разумѣется, добавляетъ Агриппа, что Шапелэнъ получитъ свою долю [2]).

Увы! вся эта тревога оказалась фальшивой. Агриппѣ скоро пришлось вернуться къ скромной дѣйствительности, только еще болѣе измученнымъ.

Что надо заключить изъ этого случая? Должно ли говорить о наивномъ легковѣріи Агриппы или, правильнѣе, сослаться на ту упрямую вѣру въ возможность превращенія одного металла въ другой, которая брала свое начало въ источникахъ гностическихъ, вавилонскихъ и египетскихъ, которая находила свое подтвержденіе у алхимиковъ всѣхъ временъ и

[1] Epist., IV, 56. Авт. Переводъ этого характернаго письма у Орсье крайне воленъ. Мы сочли нужнымъ перевести письмо съ латинскаго и приводимъ здѣсь подлинныя выраженія Агриппы: «Salve, mi amicissime Capellane, et ter quaterque salve. Valeant principes, valeant reges, valeant Nini, valeant Semiramides, valeat omnis robusta improbitas. Benedictus Dominus. Divites facti sumus, modo vera sit fabula». В. Б.

[2] Ibid. Авт.

странъ [1] и проходила черезъ всѣ писанія и изысканія Среднихъ Вѣковъ? [2] Эта обманчивая надежда на превращеніе металловъ поддерживалась неточностью прежнихъ познаній и опиралась на неоспоримыя доказательства того, что металлы могутъ подвергаться неопредѣленному ряду химическихъ преобразованій, ни начала ни конца которыхъ нельзя было установить. Мечта алхимиковъ продержалась почти до конца XVIII вѣка: поэтому не приходится изумляться на надежды Агриппы, всецѣло проникнутаго средневѣковыми воззрѣніями на могущество химіи.

Но можно сдѣлать и другую гипотезу, которая будетъ хорошо согласоваться съ тѣмъ, что говорили раньше объ изобрѣтательномъ умѣ Агриппы. Можно предположить, что онъ ловко пустилъ въ ходъ поразительную новость, надѣясь, въ глубинѣ души, сломить апатію короля и возбудить алчность его матери. Во всякомъ случаѣ безумная надежда Агриппы на богатство, основанная на идеѣ философскаго камня (или алхимическаго порошка) была рѣшительно обманута. Раскаленная реторта ревниво хранила свою непроницаемую тайну, и Агриппа долженъ былъ снова

[1] Въ Парижской Національной Библіотекѣ, подъ № 2327, хранится любопытный греческій манускриптъ, — собраніе 27 трактатовъ по алхиміи, принадлежащихъ перу писателей разныхъ эпохъ и разныхъ періодовъ. Трактаты раздѣлены на три группы: миѳическіе, апокрифическіе и историческіе. Останъ-Магъ (сочиненіе котораго отнесено ко второй группѣ) выставляетъ такія аксіомы: «Природа любуется на природу».—«Природа властвуетъ надъ природой».—«Природа торжествуетъ надъ природой». А в т.—Замѣтимъ, что новѣйшія открытія въ области естественныхъ наукъ дѣлаютъ нѣкоторыя мечты алхимиковъ менѣе неправдоподобными, нежели онѣ казались нѣсколько десятилѣтій ранѣе. В. Б.

[2] См. Василія Валентина (XV в.) и др. А в т.

вернуться къ братьямъ Бюллью, которые не питали къ нему злобы за его враждебность къ нимъ.

И самъ Томасъ, сыгравшій съ Агриппой дурную шутку, лично ничего не имѣлъ противъ несчастнаго философа; онъ отъ души рекомендовалъ его Верану Шаленда, бывшему въ то время городскимъ сборщикомъ податей въ Ліонѣ. Въ ожиданіи результатовъ этой рекомендаціи, Агриппа считаетъ своимъ долгомъ послать Шапелэну свое оправданіе. Это пространное изложеніе не даетъ ничего новаго: Агриппа говоритъ, что не служилъ Коннетаблю [1], и въ страстныхъ выраженіяхъ напоминаетъ о прежнихъ услугахъ, оказанныхъ какъ имъ самимъ, такъ и его родственниками, Илленсами, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ, а другой опасно раненъ въ битвѣ при Павіи. Что касается королевы-матери, то она вызываетъ въ Агриппѣ нечестивыя воспоминанія о Іезавели, Гѳоліи и Семирамидѣ. Что сталось бы съ Агриппою, если бы и это письмо попало въ руки Луизы Савойской?

XI.

Наконецъ, счастье улыбнулось Агриппѣ, но и эту улыбку онъ получилъ не даромъ; Агриппа купилъ ее цѣною не очень добросовѣстной комедіи. Жена офицера Петра Сала, была однажды въ гостяхъ у Бюллью, которымъ она доводилась двоюродной сестрой; казначей показалъ ей нѣсколько писемъ, касавшихся дѣла Агриппы, къ которому она относилась съ сочувствіемъ; она завладѣла ими и передала ихъ своему любимцу. Среди этихъ бумагъ была расписка въ полученіи вознагражденія разными придворными, въ

[1] Epist., IV, 62. Авт.

томъ числѣ Робертомъ де Ко и Людовикомъ Фаромъ. Внѣ себя отъ гнѣва, Томасъ Бюллью грозитъ Агриппѣ, что не дастъ ему получить ни обола изъ того, что ему слѣдуетъ, если онъ не вернетъ похищенныхъ бумагъ. Агриппа не уступаетъ и съ своей стороны угрожаетъ, что перешлетъ письма королевѣ, если не будутъ исполнены тѣ распоряженія, заключающіяся въ нихъ, которыя касаются его, Агриппы. Пусть королева узнаетъ, какова честность тѣхъ казначеевъ, которымъ она довѣряетъ столь отвѣтственное дѣло! Поразмысливъ въ продолженіе четырехъ дней, Бюллью, наконецъ, уступаетъ, но онъ приготовляетъ нѣчто въ родѣ расписки и требуетъ, чтобы Агриппа расписался на ней въ присутствіи двухъ нотаріусовъ. Изъ этого возникаетъ крупный споръ между казначеемъ и Агриппою, кончающійся полной уплатой слѣдуемыхъ денегъ. Каждый изъ нихъ очень поздно возвращается домой,—Бюллью «с о с в о и м и б у л л а м и и а м п у л а м и», Агриппа съ деньгами, которыя онъ шутя называетъ «п о с м е р т н ы м и».

Итакъ, все устроилось по желанію философа, и когда Шапелэнъ вскорѣ сообщилъ ему о возвращеніи двора въ Ліонъ, Агриппа снова былъ полонъ надеждъ на будущее. Францискъ I долженъ былъ прибыть въ Ліонъ, чтобы выполнить обѣтъ, данный имъ въ плѣну,—приложиться, во время торжественнаго паломничества, къ плащаницѣ въ Шамбери. Къ несчастью, денегъ, только что полученныхъ Агриппою, достало лишь на очень короткое время: онъ долженъ былъ уплатить старые долги и купить много вещей по хозяйству; дни нужды скоро вернулись. Во время этого новаго безденежья, Бурбонъ вновь дѣлаетъ ему предложеніе—занять видную должность въ его войскахъ; Агриппа отклоняетъ предложеніе, говоря «что теперь

онъ хочетъ жить мирно среди своихъ книгъ на лонѣ семьи». Коннетабль настаиваетъ; Агриппа повторяетъ свой отказъ, но въ душѣ онъ на сторонѣ принца, которому предсказываетъ побѣды. Извѣстно, каковы это были побѣды подъ стѣнами Рима 6 мая 1527 года[1].

Агриппа обратился тогда къ Шапелэну съ просьбой повидать королеву и попросить ее освободить его отъ присяги: то была единственная причина, удерживавшая его въ Ліонѣ[2]. Кромѣ того, ему нуженъ былъ пропускъ: Агриппа собирался ѣхать за нимъ въ Парижъ и уже готовился къ отъѣзду. Онъ писалъ одному изъ своихъ друзей бенедиктинцу, что черезъ нѣсколько дней отправляется въ путь со всей семьей и со всѣмъ имуществомъ, сначала въ Парижъ, а оттуда въ Антверпенъ, куда призываютъ его вѣрные друзья. Онъ получилъ привѣтливыя письма отъ Аврелія д'Аквепенденте и отъ Августино Форнари; власти Антверпена обѣщали ему широкое гостепріимство и хорошо оплачиваемое мѣсто.

Вѣроятно, благодаря поддержкѣ вліятельныхъ лицъ, не подозрѣвавшихъ его лицемѣрія, Агриппа покидаетъ Ліонъ 6 декабря 1527 года, проживъ въ немъ 3 года. Онъ спускается внизъ по Луарѣ до Бріара, гдѣ имъ назначено свиданіе его другу бенедиктинцу. Всѣ предосторожности приняты. Два письма, написанныя въ библейскомъ стилѣ, посланы отсюда Агриппою: одно Аврелію д'Аквапенденте, другое Августино Форнари, его покровителямъ. Двѣнадцать дней спустя, Агриппа пріѣзжаетъ въ Жіенъ. Изъ этого го-

[1] Коннетабль Т. де Бурбонъ былъ въ этотъ день убитъ. Какъ извѣстно, Бенвенуто Челлини приписывалъ себѣ честь мѣткаго выстрѣла, сразившаго Бурбона. Авт.

[2] Письмо отъ 17 іюля 1527 г. Epist., V, 9. Ср. V, 10, 13, 22. Авт.

рода, изъ гостиницы «Трехъ Королей», онъ пишетъ письмо своему другу бенедиктинцу, съ которымъ не встрѣтился въ Бріарѣ, назначая ему новое свиданіе въ мѣстечкѣ Сенъ - Мартэнъ, возлѣ Монтаржиса, въ трактирѣ «Золотого Пресса», гдѣ онъ думаетъ расположиться для отдыха дня на два или на три. 20-го слѣдующаго декабря, переправивъ предварительно черезъ Лотарингію свою библіотеку къ Августино, Агриппа прибываетъ въ Парижъ, откуда переписывается съ Шапелэномъ въ январѣ, маѣ и іюнѣ 1528 года, сдерживая, впрочемъ, ѣдкость своего пера. Онъ отправляетъ также письмо Луизѣ Савойской, но не получаетъ никакого отвѣта: Шапелэнъ увѣряетъ его, что еще не все потеряно, что онъ еще можетъ вернуть себѣ милость королевы-матери, если поручитъ хлопотать за себя епископу Бургскому и Сенешалю [1].

Французскій Канцлеръ, хорошо расположенный къ Агриппѣ, даетъ ему понять, что за его новую службу въ случаѣ необходимости, онъ будетъ платить ему изъ своихъ личныхъ средствъ, но Агриппа, по личному опыту знакомый «съ галльской хитростью», не «хочетъ дать себя обмануть еще разъ» [2]. Онъ требуетъ только одного: пропуска; онъ полагаетъ, что королева-мать не чужда всѣмъ этимъ послѣднимъ задержкамъ, что, въ сущности, она оскорблена его отъѣздомъ и что во всѣхъ этихъ отсрочкахъ и въ проволочкахъ по выдачѣ ему пропуска—повинно лишь одно: желаніе королевы заставить его перемѣнить намѣреніе [3]). Болѣе того, изъ Германіи прибылъ вызванный ею знаменитый

[1] Epist., V, 22. Авт.

[2] Письмо помѣчено 1 января 1528 г., изъ Парижа. (Epist., V, 23) Агриппа былъ въ Парижѣ съ 20 декабря 1527 г. (Epist., V, 20 и 24. Авт.

[3] Epist., V, 23, 24, 25, 27 и 28. Авт.

магъ: это, по мнѣнію Агриппы—военная хитрость, которой хотятъ задѣть его всѣмъ извѣстную обидчивость и ревность, противопоставивъ ему собрата. Королева-мать находится въ Сенъ-Жермэнѣ, Агриппа—въ Парижѣ; дни проходятъ и расходы все текутъ. Когда же удастся ему выбраться оттуда? Этого онъ не знаетъ... Въ ожиданіи, онъ занимается медицинской практикой, чтобы жить, и зарабатываетъ этимъ кое-какія деньги, но, какъ онъ самъ говоритъ, ему «едва хватаетъ на покрытіе ежедневныхъ расходовъ». Взоры его постоянно обращены въ сторону Антверпена. Тамъ его ждетъ миръ, счастье, можетъ быть,—богатство.

XII.

Агриппа мучительно ждетъ почти цѣлыхъ четыре мѣсяца. Наконецъ, 23 февраля 1528 года, онъ получаетъ отъ короля пропускъ, годный на 6 мѣсяцевъ и на 10 человѣкъ[1]. Несмотря на это, онъ не покоенъ: «некому будетъ защищать его отъ воровъ». Ему нужна также охранная грамота отъ герцога Вандомскаго, войска котораго расположены на границахъ[2], и паспортъ—отъ Маргариты Австрійской, регентши Нидерландовъ. Одолѣвъ, наконецъ, всѣ эти препятствія Агриппа видитъ передъ собой новыя. По его словамъ, «онъ попалъ изъ Харибды въ Сциллу». Теперь, когда

[1] Epist., V, 39, 43, 45. Авт.

[2] Epist., V, 43. Письмо къ Шапелэну отъ 6 мая 1528 г. Герцогъ Вандомскій, которому представили прошеніе Агриппы о пропускѣ, объявилъ, что онъ никогда не подпишется на бумагѣ, на которой стоитъ имя Агриппы. (См. письмо Агриппы къ Оронцію Финэ. Epist., V, 30). Неизвѣстно, получилъ ли Агриппа отъ герцога litterae dimissoriae. См. Epist., V, 35, 36. Авт.

у него есть возможность путешествовать, у него нѣтъ больше денегъ. Узнавъ по опыту то, что онъ называетъ глупостью князей, Агриппа съ горечью убѣждается въ неблагодарности друга; судя по негодованію Агриппы, можно подумать, что этотъ близкій человѣкъ, оставшійся таковымъ лишь до чернаго дня, былъ однимъ изъ тѣхъ, на которыхъ имѣютъ безусловное право разсчитывать во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Въ отчаяніи Агриппа обращается къ Аврелію д'Аквапенденте, затѣмъ къ Августино Форнари и краснорѣчиво излагаетъ имъ свое положеніе, которое было столь же бѣдственнымъ, сколь и невыносимымъ: если они не придутъ ему на помощь, онъ погибъ [1]. Его новыя попытки обратиться къ герцогу Вандомскому остаются столь же безплодными, какъ и первыя; его письма не доходятъ даже по назначенію. Но событія не позволяютъ медлить: Агриппа узналъ, что королева-мать и принцесса Маргарита порѣшили уничтожить его. И вотъ онъ уѣзжаетъ тайно ночью, оставивъ въ Парижѣ жену, дѣтей и имущество, и направляется въ Антверпенъ [2]), куда и прибываетъ 23 іюля 1528 г.

Первое письмо Агриппы изъ Антверпена адресовано Аврелію д'Аквапенденте; Агриппа пишетъ, что ждетъ его къ себѣ въ первый же день по пріѣздѣ, не желая, чтобы кто бы то ни было узналъ о его прибытіи,

[1] Въ началѣ января 1528 г., первые 12 дней жизни въ гостиницѣ, обошлись ему, по его словамъ, около 20 золотыхъ кронъ; онъ помѣстился въ гостиницѣ Святой Варвары, на улицѣ де Ла-Гарпъ. Форнари, въ это время, путешествовалъ неизвѣстно гдѣ; тѣмъ не менѣе, Агриппа написалъ ему наудачу. Въ концѣ концовъ онъ пріютился въ монастырѣ Кармелитовъ, изъ котораго послано его послѣднее парижское письмо отъ 16 іюля 1528 г. Epist., V, 27, 28, 38, 43—48. Авт.

[2] Epist., V, 50 и 51. Авт.

раньше чѣмъ онъ переговоритъ съ Авреліемъ. Это весьма короткая записка, посланная второпяхъ. Второе письмо Агриппы—къ Шапелэну: оно исполнено ликованія и въ то же время неистовыхъ проклятій. Королеву-мать Агриппа отнынѣ называетъ не иначе, какъ Іезавелью; онъ призываетъ псовъ, которые должны ее растерзать. Но, быть можетъ, Агриппа слишкомъ поторопился радоваться. Онъ ждетъ Аврелія д'Аквапенденте, но тотъ вовсе не стремится посѣтить его такъ поспѣшно, какъ того желаетъ Агриппа. Тогда снова возобновляются жалобы Агриппы; его впечатлительное существо снова охватываютъ страхъ и предчувствія бѣдъ. Неожиданно Агриппа получаетъ письмо отъ своего родственника, Ги Фюрбити, которому онъ поручилъ въ Парижѣ, въ часъ своего поспѣшнаго отъѣзда, жену и дѣтей [1]. Истинная скорбь овладѣваетъ Агриппой, когда онъ узнаетъ, что жена его захворала. Надо отдать справедливость Агриппѣ, что каждый разъ, какъ онъ упоминаетъ объ этой преданной подругѣ своей жизни, Жаннѣ-Луизѣ Тисси, своей второй женѣ, онъ находитъ выраженія глубоко-трогательныя [2].

[1] Доминиканецъ Ги Фюрбити велъ диспутъ съ Фарлеемъ въ Женевѣ и былъ монахомъ въ монастырѣ Монмеліанъ, близъ Шамбери. Авт.

[2] Поэтъ Гиларій Бертольфъ и Аврелій д'Аквапенденте посвятили по латинскому стихотворенію ея красотѣ и ея любви (Agr. Opera Omnia, II, 1151). До насъ дошло также письмо Бертольфа, помѣченное Базелемъ 11 ноября 1523 г., въ которомъ онъ говоритъ еще объ общемъ стихотвореніи, написанномъ имъ два года тому назадъ, когда впервые онъ получилъ доступъ въ семью Агриппы. Это письмо кончается такъ: «Во время обѣда у насъ зашла длинная бесѣда о тебѣ (т.-е. объ Агриппѣ), очень утонченная, одна изъ тѣхъ, которыя столь нравятся господину Эразму; въ ней блистательно восхвалялись, въ твое отсутствіе,

Обремененный всякаго рода дѣлами, находясь въ постоянной перепискѣ съ друзьями, безпокоясь о своемъ многочисленномъ семействѣ, съ которымъ онъ разлученъ, о любимой женѣ, здоровье которой пошатнулось, безпрестанно преслѣдуемый кредиторами и безпрестанно осаждаемый учениками, обращающимися къ нему съ разными вопросами, Агриппа тѣмъ не менѣе работаетъ такъ усердно, что заканчиваетъ книгу, составленную въ Ліонѣ «О недостовѣрности и тщетѣ наукъ и искусствъ». Книга эта вскорѣ должна появиться въ печати и стать для Агриппы источникомъ, какъ новыхъ мукъ, такъ и новой чести. Дѣйствительно, въ теченіе 1528 года, проведеннаго Агриппою въ Антверпенѣ, появилось впервые это странное произведеніе, которое въ одно и то же время было сигналомъ освобожденія человѣческаго ума и свободной критики и вызовомъ, брошеннымъ человѣческому разсудку [1].

твои рѣдкія достоинства. Присутствовали: твой другъ Клодъ Шансоннеттъ (Claudius Cantiuncula), Филибертъ де Люсенжъ (Ph. a Lucingia) и великій философъ Томасъ Зегеръ и многіе другіе». Epist., III, 44. Авт.

[1] Книга «De incertitundine et vanitate scientiarum et artium atque excelentia Verbi Dei declamatio» была написана Агриппою въ Ліонѣ въ 1526 г., напечатана въ Антверпенѣ въ 1530 г. (привилегія Карла V помѣчена «Малинъ 12 января 1529 г.», по старому стилю), въ форматѣ малаго in 4°, издана Іоганномъ Графеемъ (Joan. Grapheus). Это первое, не урѣзанное, изданіе большинству библіографовъ осталось неизвѣстно. Въ немъ 170 не-нумерованныхъ стр., съ знаками *A. T.* На послѣдней страницѣ помѣщена гравюра на деревѣ, изображающая Милосердіе. Сочиненіе посвящено Августино Форнари. Авт.—Первое изданіе вышло въ сентябрѣ 1530 г.; въ январѣ 1531 г. появилось уже второе изданіе книги (безъ означенія мѣста печатанія), in 8°, напечатанное, вѣроятно, въ Кельнѣ «apud Eucharium Agripinatem», in 8°, и тогда же, т.-е. въ самомъ

Добавимъ, что несмотря на всѣ усилія Агриппы, его денежное положеніе не улучшалось и ему лишь тяжелой цѣной безпрерывныхъ хлопотъ, моленій и просьбъ удается собрать небольшую сумму, необходимую на переѣздъ его семьи изъ Парижа въ Антверпенъ.

XIII.

Какъ знаменитый врачъ, Агриппа въ іюнѣ и въ іюлѣ 1529 года былъ нѣсколько разъ приглашенъ къ больнымъ въ Лувэнъ и Малинъ; во время этихъ поѣздокъ онъ поддерживалъ дѣятельную переписку съ Жаномъ Виромъ, своимъ ученикомъ и человѣкомъ

началѣ 1531 г.,—третье, безъ означенія мѣста изданія и имени издателя, напечатанное, вѣроятно, въ Антверпенѣ, и четвертое, съ помѣтой «Parisiis apud Sorbonam, opera et impensa Joannis Petri, anno 1531, mense februario», in 8°. Къ тому же 1531 г. относятся изданія—пятое, «Coloniae» M. N. (т.-е. Melchior Novesianus) excudebat», in 8°, и шестое, безъ имени издателя, «Apud florentissimam Antverpiam». Въ 1532 г. появилось два изданія этой книги, оба безъ имени издателя и обозначенія мѣста изданія, — седьмое, изданное, вѣроятно, въ Кельнѣ, «Anno 1532, mense januario, in 8°, и восьмое, изданное, вѣроятно, въ Парижѣ, «Anno 1532, mense septembri,» in 8°. Извѣстны еще два изданія этой книги, не помѣченныя никакой датой, вышедшія, повидимому, при жизни Агриппы, — девятое, изданное, вѣроятно, въ Антверпенѣ, in 8°, и десятое, изданное, вѣроятно, въ Парижѣ in 8°.—Послѣ смерти Агриппы книга продолжала переиздаваться, и, за время съ 1536 по 1714 г., извѣстно около 20 ея новыхъ изданій. Вскорѣ послѣ смерти Агриппы появились и переводы этого его сочиненія на иностранные языки: итальянскіе въ 1547, 1549, 1552 гг., англійскіе въ 1569, 1575, 1596, 1676, 1694 гг., французскіе въ 1582, 1603, 1605, 1608, 1617 и др., голландскіе въ 1651, 1661 гг., нѣмецкій въ 1713 г. Въ XVIII вѣкѣ появился и русскій переводъ этого сочиненія Агриппы. В. Б.

близкимъ къ его семьѣ [1]. По этимъ письмамъ видно, съ какимъ нетерпѣніемъ снова жаждетъ Агриппа скорѣе оказаться вновь близъ своей жены, своихъ дѣтей, своихъ слугъ и своихъ собакъ [2].

[1] Докторъ медицины Жанъ Виръ родился въ 1515 г. въ Гравѣ-на-Мезѣ и умеръ въ 1588 г. Его сочиненія изданы въ одномъ томѣ in 4°, болѣе чѣмъ въ 1.000 стр., въ Амстердамѣ въ 1660 г. Авт. — Жанъ Виръ (Іоганнъ или Гансъ Вейеръ) — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Его главное сочиненіе «De prestigiis daemonum et incantationibus ac veneficiis», Базель 1563 (появившееся уже въ 1579 г. во французскомъ переводѣ подъ заглавіемъ «Histoires, disputes et discours des illusions et impostures des diables») направлено противъ преслѣдованія вѣдьмъ, весьма распространеннаго въ его эпоху. Виръ старался доказать своимъ современникамъ, что вѣдьмы — не болѣе, какъ больныя женщины, принимающія бредъ своего разстроеннаго воображенія за сцены полета на шабашъ и за сношенія съ дьяволомъ. Ученикомъ Агриппы Виръ былъ еще въ очень молодыхъ годахъ (въ 1533 г., т.-е. лѣтъ 18). Виръ самъ разсказываетъ, что однажды, — будучи, конечно, убѣжденъ, какъ большинство, что его учитель занимается заклинаніемъ демоновъ, — похитилъ тайно у Агриппы «Стенографію» Тритгейма и списалъ оттуда формулы заклинаній. Орсье называетъ Вира «familier» Агриппы, передавая такъ латинское слово «famulus». Вѣроятно, этимъ словомъ означалось положеніе среднее между положеніемъ ученика и слуги, которое обычно занимали ученики выдающихся людей того времени, жившіе въ ихъ домѣ, входившіе въ ихъ семью и не гнушавшіеся иной «черной» работы по дому. Таково, вѣроятно, было и положеніе «учениковъ» въ домѣ Леонардо да Винчи. Самъ Виръ называлъ Агриппу «olim hospes et praeceptor», т.-е. «нѣкогда хозяинъ дома, гдѣ я жилъ, и мой учитель». В. Б.

[2] Письма, которыми обмѣнивались въ это время Агриппа и его домашніе, оставшіеся въ Антверпенѣ, даютъ возможность бросить любопытный взглядъ на его домашнюю обстановку: подобныя картины частной жизни попадаются рѣдко въ старинныхъ документахъ. Epist., V, 72—78. Авт. — Семья Агриппы, повидимому, состояла тогда изъ двѣнадцати человѣкъ: Агриппа, его жена, четверо дѣтей, служанка Марія (pedissequa),

Тутъ Агриппа появляется въ совершенно новомъ намъ свѣтѣ; этотъ неукротимый памфлетистъ, жившій столь буйной внѣшней жизнью, умѣлъ цѣнить простыя и здоровыя удовольствія семейнаго круга. Говоря поэтическимъ языкомъ, умѣстнымъ въ этомъ случаѣ, можно сказать, что въ этихъ письмахъ передъ нами открывается краешекъ неба, которое до сихъ поръ надъ Агриппой все было задернуто мрачными тучами, и нашему удивленному взору буйный философъ является въ неожиданномъ обликѣ добраго семьянина. Агриппа—кроткій и мирный, любящій мужъ и заботливый отецъ,—какое странное видѣніе!

Но безжалостный Рокъ остается къ Агриппѣ коварнымъ и жестокимъ. Именно въ эти дни Агриппѣ суждено потерять жену и двоихъ изъ своихъ дѣтей.

Въ Антверпенѣ появилась чума. Жанна-Луиза пала одной изъ ея первыхъ жертвъ. У насъ есть письмо Агриппы объ этомъ несчастіи, обращенное къ Ги Фюрбити,—поразительное по силѣ и краснорѣчивострастное изліяніе скорби [1]. Агриппа рисуетъ глу-

четверо слугъ (servuli или servi) и мальчикъ (puer cursor, «казачокъ»); подъ названіемъ слугъ, надо полагать, скрывались именно ученики, хотя бы уже потому, что Агриппа велъ съ ними переписку на латинскомъ языкѣ; имена (вѣрнѣе, прозвища) этихъ слугъ намъ извѣстны: Геркулесъ, Аврелій, Августинъ, Эммануэль; позже къ нимъ присоединился Жанъ Виръ. Къ членамъ семьи принадлежали еще собаки, которыхъ Агриппа очень любилъ. Въ 1529 г. у него ихъ было пять: Tarot, Franza, Muza, Ciccionus, Balassa. См. Epist., V, 43, 76, 77 и др. В. Б.

[1] Epist., V, 81. Жанна-Луиза умерла 17 августа 1529 г., въ Антверпенѣ; тогда же умерло нѣсколько человѣкъ изъ «слугъ» Агриппы. Краткое извѣстіе о болѣзни жены Агриппа получилъ въ городѣ Малинъ (Epist., V, 78); онъ тотчасъ бросился въ Антверпенъ, но уже не могъ спасти жены. Смерть жены повліяла на то, что Агриппа вскорѣ совершенно отказался отъ медицинской практики, которой занимался семь лѣтъ. Онъ принялъ

боко-трогательный портретъ покойной, и нельзя не подумать, что было въ немъ самомъ, вѣроятно, что-то привлекательное, что-то въ высокой степени благородное,—на ряду со всѣми его великими недостатками, если его любило такое нѣжное, такое свѣтлое созданіе...

Августинскій монахъ, Аврелій д'Аквапенденте, докторъ теологіи, написалъ на смерть Жанны-Луизы латинское стихотвореніе[1].

Многіе славили раньше красу Маріи-Луизы
 Дивную: (боги ее дали, Агриппа, тебѣ)
Или въ стихахъ воспѣвали ея стыдливость. Паллада
 «Мудрая, — молвила ей, — долго Луиза живи!»
Кто не захочетъ теперь воспѣть ея умъ, ея скромность,
 Знатность рода ея и благородство души?
Слишкомъ ты, Парка, была, о! слишкомъ жестокой, что смѣла
 Вырвать у смертныхъ людей этотъ божественный ликъ!
Боги безсмертные, вы сохраните душу Луизы,
 Ибо амврозія ей, ибо ей нéктаръ къ лицу!

За письмомъ, посланнымъ Агриппою Фюрбити, послѣдовали два другихъ: одно, адресованное Аврелію,

тогда предложеніе Нидерландскаго двора. Авт. — Вотъ, между прочимъ, что писалъ Агриппа Фюрбити: «О, если бы, мой дорогой другъ, я могъ бы не сообщать тебѣ, не долженъ былъ бы тебѣ сообщать извѣстія печальныя, горестныя, тяжкія!.. Я весь погибъ, я убитъ, я потерялся (perii totus, occidi, perditus sum). Я потерялъ то, что было единственнымъ утѣшеніемъ моей жизни, сладостнымъ облегченіемъ моихъ трудовъ, мою горячо любимую жену»... В. Б.

[1] Opera, II, 1151. Переводъ сдѣланъ нами съ латинскаго подлинника. У Орсье данъ французскій переводъ Шарля Буа. Любопытны въ этомъ стихотвореніи обращенія къ «безсмертнымъ богамъ» (Superi, Pallas etc.), дѣлаемыя христіанскимъ монахомъ XVI вѣка. В. Б.

другое Шапелэну[1]; оба эти письма преисполнены изліяній горестныхъ чувствъ. Но скорбь не позволяла Агриппѣ забыть того, что онъ, какъ врачъ, долженъ исполнять свой долгъ. Большинство Антверпенскихъ докторовъ стремительно удалилось изъ города, при первомъ появленіи эпидеміи. Агриппа остался на своемъ посту. Однако ему пришлось перемѣнить жилище и онъ поселился у Августино Форнари[2]. Днемъ и ночью Агриппа былъ на ногахъ, не щадя себя, сражаясь съ чумой лицомъ къ лицу, вырывая у нея или, по крайней мѣрѣ, оспоривая у нея съ благороднымъ упрямствомъ столько жертвъ, сколько позволяли ему его силы. Агриппа не боялся заразы, хотя и принималъ нѣкоторыя предосторожности; но въ то же время онъ составилъ, по рецептамъ Галена и другихъ знаменитыхъ врачей древности, особое лѣкарство, которое считалъ радикальнымъ средствомъ противъ чумы и которое онъ употреблялъ всюду, гдѣ считалъ его подходящимъ[3].

Когда чума прекратилась, разбѣжавшіеся при ея появленіи врачи возвратились въ Антверпенъ и, желая прикрыть свое позорное поведеніе, поспѣшили выставить противъ профессора Жана Тибо обвиненіе въ томъ, что онъ незаконно занимался медицинской практикой. Какъ свидѣтель, былъ приглашенъ Агриппа; но онъ произнесъ передъ Имперскимъ Совѣтомъ города Малинъ язвительную рѣчь, въ которой обли-

[1] Epist., V, 72 и 73. Авт.

[2] Aug. Prost, op. cit., note XXII. У Форнари былъ въ Антверпенѣ домъ, которымъ управлялъ жившій въ немъ его двоюродный братъ Николай. Авт.

[3] Рецептъ этого антидота противъ чумы сохранился въ Opera Агриппы; его латинская редакція посвящена Теодорику, викарному епископу Кельна. Авт.

чилъ дезертировъ своего долга, и горячо защищалъ обвиняемаго, остававшагося на своемъ посту, среди опасностей ужасной эпидеміи: «Тибо сражался рядомъ со мной», говорилъ бывшій офицеръ первыхъ имперскихъ войнъ, и къ величайшему негодованію Антверпенскихъ гиппократовъ Тибо процессъ выигралъ [1].

XIV.

Между тѣмъ, главное сочиненіе Агриппы, только что вышедшее въ свѣтъ, вызвало вокругъ себя цѣлую бурю. Этому обстоятельству онъ, можетъ быть, былъ обязанъ тѣмъ, что вскорѣ ему былъ сдѣланъ цѣлый рядъ разнообразнѣйшихъ предложеній, обращенныхъ къ нему скорѣе какъ къ писателю, чѣмъ какъ къ врачу. Такое предположеніе весьма вѣроятно. Во всякомъ случаѣ, Агриппа, еще недавно доходившій до послѣдней крайности, внезапно оказался въъ очень благопріятныхъ условіяхъ, и ему предстояло только выбрать изъ многихъ предложеній болѣе выгодное.

[1] «Тогда какъ Жанъ Тибо (Ioannus Theobaldus) и немногіе другіе,—говорилъ Агриппа,—смѣло и благородно помогали городу, эти схоластическіе медики, эти доктора, мѣрой въ полтора фута (sesquipedales), оплетаютъ насъ своими софизмами и о жизни и смерти, спорятъ съ помощью рогатыхъ силлогизмовъ... Но у ложа больного, гдѣ надобно не вести диспуты, а исцѣлять, они предоставляютъ мѣсто другимъ!» Epist., VI, 7. По всему судя, Агриппа говорилъ не столько за Тибо (который, кажется, былъ шарлатанъ), сколько за самого себя. Агриппа также не имѣлъ офиціальнаго диплома доктора медицины, и, вѣроятно, на его рѣшеніе отказаться отъ медицинской практики повліяли не только чувства, вызванныя кончиной жены, но и протестъ корпораціи мѣстныхъ врачей. В. Б.

Что же онъ изберетъ? Отправится ли онъ въ Англію, куда зоветъ его Генрихъ VIII чрезъ посредничество Канцлера Гаттинара? Или послушается онъ своего покровителя, просвѣщеннаго дипломата, Евстахія Шапюи, совѣтующаго ему, именемъ Карла Пятаго, взять на себя защиту Катерины Аррагонской, которой грозитъ скандальный разводъ? Шапюи, желая склонить Агриппу на свою сторону, берется за дѣло очень ловко. Въ своемъ письмѣ Шапюи сначала хвалитъ новую книгу Агриппы, а затѣмъ подробно объясняетъ, какія выгоды можетъ получить Агриппа, оказавъ императору услугу въ трудныхъ обстоятельствахъ[1]. Но Агриппа, зная по опыту, насколько можно разсчитывать на благодарность великихъ міра сего, понимаетъ въ то же время, что, перейдя на сторону короля Испанскаго, онъ навсегда возстановитъ противъ себя короля англійскаго. И потому, стараясь остаться нейтральнымъ, онъ не сдается на доводы посланника и, въ своихъ письмахъ, всячески оспориваетъ ихъ.

Передъ Агриппой былъ выборъ еще между третьимъ и четвертымъ предложеніемъ. Третье исходило отъ маркиза монферратскаго (de Montferrat), личности довольно незначительной рядомъ съ величіемъ императоровъ. Четвертое — отъ Правительницы Нидерландовъ, Маргариты Австрійской, резиденція которой находится въ Брюсселѣ. На этомъ послѣднемъ предложеніи и остановился Агриппа. Онъ принялъ отъ Маргариты, дѣйствовавшей именемъ императора, зва-

[1] Переписка Евстахія Шапюи съ Агриппою состоитъ изъ 15 писемъ и относится къ двумъ различнымъ эпохамъ: къ первой принадлежитъ одиннадцать писемъ съ 1522 г. по 1525 г.; ко второй—четыре письма, съ 26 іюня по 25 ноября 1531 г. См. эту послѣднюю въ Epist., VI, 19, 20, 29 и 33. Авт.

ніе Библіотекаря и Исторіографа[1].

Въ доказательство своей подготовки для такого рода дѣятельности, Агриппа составилъ трактатъ о «Коронаціи Карла Пятаго»[2], прекрасно написанный отрывокъ, ничего общаго, однако, съ исторіей не имѣющій. Это—кропотливый отчетъ о томъ, какъ проходила въ XVI вѣкѣ подобная церемонія. Тѣмъ не менѣе, трактатъ любопытенъ, такъ какъ передаетъ всю яркость, всю живописность и всю пышность коронаціи, которыхъ требовалъ обычай и которыя были связаны съ множествомъ блестящихъ лицъ, явившихся на торжество въ силу своего положенія или знатности своего рода. Впрочемъ это описаніе было лишь вступленіемъ къ ряду серьезныхъ работъ, для которыхъ Агриппа немедленно началъ собирать матеріалъ.

Послѣ литературнаго подарка Карлу V, Агриппа почелъ долгомъ сдѣлать такой же и Правительницѣ Нидерландовъ. Маргаритѣ Валуа, готовившейся къ бракосочетанію съ Генрихомъ Наваррскимъ, Агрип-

[1] Въ Архивѣ департамента Nord, въ Лиллѣ, хранится собственноручное письмо Агриппы къ верховному совѣту города Малинъ и финансовый отчетъ, изъ которыхъ видно, что Карлъ V выдалъ своему исторіографу въ 1532 г. сумму въ 50 ливровъ «на покрытіе расходовъ, сдѣланныхъ имъ при назначеніи на названную должность». Грамота отъ 29 декабря 1529 г., которою императоръ пожаловалъ Агриппѣ должность лѣтописца и императорскаго исторіографа, съ ежегоднымъ окладомъ въ 200 ливровъ, находится въ Королевскомъ Архивѣ, въ Брюсселѣ. Авт.

[2] «Caroli V coronationis historia». Excudebat Martinus Caesar, 1530. Это первое изданіе трактата было напечатано въ Антверпенѣ и посвящено Маргаритѣ Австрійской. Авт.— При жизни автора трактатъ былъ перепечатанъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими сочиненіями Агриппы, въ 1535 г., въ Кельнѣ, у I. Сотера. Затѣмъ появлялись его изданія въ 1574 г., въ Базелѣ, въ 1614 и 1673 гг. В. Б.

па поднесъ небольшое сочиненіе «О таинствѣ брака» (принятое ею за насмѣшку); Маргарита Австрійская получила первое изданіе знаменитаго разсужденія «О превосходствѣ женскаго пола». Оно было написано уже давно и первоначально Агриппа полагалъ посвятить его французской принцессѣ; но въ свое время, послѣ дѣла Катилинэ, монахи, окружавшіе принцессу, воспротивились изданію этого разсужденія. Теперь Агриппа использовалъ его, какъ почтительный даръ своей новой покровительницѣ [1].

XV.

По смерти любимой жены, новоназначенному императорскому исторіографу не хотѣлось болѣе оставаться въ Антверпенѣ; да и самая перемѣна въ его положеніи требовала его пребыванія въ городѣ Малинъ [2]: онъ

[1] Это разсужденіе было написано въ Долѣ въ 1509 г. и напечатано въ Антверпенѣ въ 1529 г. у Мих. Гилленіуса, въ сборникѣ, содержащемъ небольшіе трактаты Агриппы. Авт.— Трактатъ «De nobilitate et praecellentia foeminaei sexus» принадлежитъ къ числу наиболѣе извѣстныхъ сочиненій Агриппы. Сборникъ мелкихъ сочиненій Агриппы, куда входилъ этотъ трактатъ, былъ переизданъ при жизни автора, въ 1532 г., въ Кельнѣ (безъ имени издателя). Затѣмъ трактатъ появлялся въ отдѣльныхъ изданіяхъ 1598 г. въ Кельнѣ, 1609 г. безъ означенія мѣста изданія, въ 1643 и 1644 г. въ Лейденѣ, въ 1653 г. въ Гаагѣ; изданія его французскихъ переводовъ появлялись въ года: 1530 въ Антверпенѣ, 1537 въ Ліонѣ, 1542 .г безъ означенія мѣста, 1578 и 1713 г. въ Парижѣ и т. д., кромѣ того, трактатъ былъ переведенъ на языки: нѣмецкій (два изд.), англійскій (два изд.), голландскій (два изд.), итальянскій и русскій (въ XVIII в.). В. Б.

[2] Въ городѣ Малинъ (Malines—иначе Мехельнъ, нынѣ городъ въ Бельгіи) жила Маргарита Австрійская, Правительница Нидерландовъ; тамъ же засѣдалъ ея совѣтъ и парламентъ. Авт.

переѣхалъ туда и женился тамъ въ третій разъ на женщинѣ, имени которой мы не знаемъ и съ которой онъ не былъ счастливъ [1].

Агриппа проявляетъ въ эти годы поразительную дѣятельность, прилагаетъ всѣ старанія, чтобы сколько-нибудь обезпечить свое положеніе и даже занимается распродажей своей библіотеки. Вслѣдъ за сборникомъ «маленькихъ трактатовъ» онъ приступаетъ къ изданію двухъ своихъ крупныхъ сочиненій. А въ то время, какъ эти послѣдніе печатаются, онъ издаетъ послѣдовательно исторію коронаціи 1530 г., надгробное слово на смерть Маргариты Австрійской въ 1531 г. [2] и въ томъ же самомъ году комментаріи къ «Ars brevis» Раймонда Люллія [3]. Можетъ быть, этой напряженной работой Агриппа старался отвлечь свои мысли отъ образа такъ трагически погибшей Жанны-Луизы.

Но появленіе трактата «О недостовѣрности и тщетѣ наукъ и искусствъ» послужило для Агриппы источникомъ новыхъ непріятностей, которыхъ онъ никакъ не могъ ожидать. Бывшіе всегда настороже его враги, зависть которыхъ распалялась по мѣрѣ того, какъ удачи Агриппы, повидимому, увеличивались, вѣроломно выхватили изъ его сочиненія отдѣльныя мѣста и представили, какъ содержащія опасныя

[1] На этотъ счетъ имѣются только тѣ немногія свѣдѣнія, которыя сообщаетъ Жанъ Виръ, именно, что въ третій разъ женился Агриппа на фламандкѣ, въ 1530 г., и развелся съ нею въ Боннѣ, въ 1535 г., въ самый годъ своей смерти. Авт.

[2] Epist., VI, 11. Авт.—Объ изданіи этой рѣчи см. ниже. В. Б.

[3] «In artem brevem Raymundi Lullii commentaria». Coloniae, opera Ioannis Soteris. Anno 1531.—Слѣдующія изданія этого трактата появлялись въ 1538, 1568 и 1617 годахъ. В. Б.

сужденія, на воззрѣніе Государственнаго Совѣта Малинъ. Члены Совѣта приняли эти отрывки въ томъ видѣ, какъ они были имъ предложены, и не потребовали, какъ слѣдовало по закону, чтобы имъ былъ представленъ полностью текстъ всего сочиненія. Началось крайне непріятное и мучительное для Агриппы дѣло.

Исходило нападеніе снова отъ монаховъ, непримиримыхъ враговъ Агриппы, но на этотъ разъ къ нимъ присоединилось нѣсколько Лувэнскихъ профессоровъ, самолюбіе которыхъ, какъ ученыхъ и авторовъ научныхъ и литературныхъ произведеній, было задѣто скептицизмомъ Агриппы. Онъ, какъ и всегда, энергично защищался; но Совѣтъ, хотя и оцѣнившій доводы обвиняемаго, находился подъ давленіемъ свыше. Агриппа отлично сознавалъ это, но что же онъ могъ сдѣлать противъ цѣлаго моря вражды, выступившей изъ береговъ. Вдобавокъ, въ дѣло вмѣшалась Маргарита Австрійская, и не въ пользу Агриппы. Цѣлый рядъ новыхъ преслѣдованій выросталъ передъ Агриппой...

Къ счастью для него, правительница скончалась въ концѣ 1530 года. Агриппа написалъ по этому поводу пышный панегирикъ [1], съ тѣмъ большимъ энтузіаз-

[1] «Oratio in funere divae Margaretae Austriacorum et Burgundionum principis aeterna memoria dignissimae habita». Martinus Caesar excudebat Antverpiae. Anno 1531 mense junio.—Какъ извѣстно, Маргарита была писательницей, сочиняла стихи, славилась своимъ остроуміемъ. Собраніе ея сочиненій было впервые издано въ 1549 г. О жизни Маргариты сложились цѣлыя легенды, одна изъ которыхъ передана въ извѣстной эпитафіи:

Cy gist Margot la gente damoiselle,
Qu'eut deux maris et si morut pucelle.

В. Б.

момъ, что тогда ему не было извѣстно слѣдующее: если бы смерть не унесла во-время Маргариты, онъ былъ бы не болѣе, не менѣе какъ приговоренъ къ смертной казни... столь опасными и еретическими казались идеи Агриппы членамъ государственнаго совѣта Нидерландовъ. Одно время Агриппа, какъ мы видимъ изъ его писемъ, собирался обратиться съ жалобами къ императору, но передумалъ, такъ какъ одинъ изъ друзей предупредилъ его, что Фердинандъ Австрійскій и Карлъ Пятый раздѣляютъ относительно его творчества предубѣжденія Маргариты [1].

Вмѣсто того, чтобы дать забыть о себѣ и склониться передъ бурей, Агриппа бросилъ новый вызовъ своимъ противникамъ, выпустивъ въ свѣтъ свою «Сокровенную философію». Впрочемъ, какъ человѣкъ опытный, вопреки той своей обычной безпечности, которая у него не разъ переходила въ браваду, онъ позаботился поставить свою новую книгу подъ покровительство Кельнскаго курфюрста-архіепископа, посвятивъ ему свое сочиненіе въ самыхъ

[1] Агриппа самъ предвидѣлъ, что изданіе сочиненія «О недостовѣрности и тщетѣ наукъ и искусствъ» вызоветъ сильную бурю. Когда она разразились, подготовленная происками монаховъ, Агриппа объявилъ, что предвидѣлъ ее и указалъ въ письмѣ къ одному другу, что она даже предсказана въ его предисловіи (Epist., VI, 15). Хотя у Агриппы была привилегія на изданіе его книги, онъ подвергся, какъ мы видѣли, сильнымъ преслѣдованіямъ, но, по счастію, нашелъ двухъ могущественныхъ защитниковъ, въ лицѣ кардинала Кампеджи и кардинала Ла-Марка, Льежскаго епископа. Кардиналы могли смягчить жестокость неудачъ Агриппы, но не въ силахъ были вернуть ему расположеніе двора. Правда, званія императорскаго исторіографа у него не отняли, но жалованье платить перестали. По этому поводу Агриппа говорилъ: «Я—кредиторъ Цезаря». Авт.

льстивыхъ выраженіяхъ[1]. Архіепископъ отвѣтилъ ему письмомъ, въ которомъ выражается восторженное преклоненіе передъ геніемъ Агриппы и содержатся изъявленія благородно-наивной благодарности. Благодаря этому покровительству «Сокровенная философія» Агриппы увидѣла свѣтъ[2].

[1] Архіепископомъ и курфюрстомъ Кельнскимъ былъ тогда Германъ фонъ Видъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, лично знавшій Агриппу и умѣвшій цѣнить его дарованія. Поэтому «льстивое посвященіе» никакъ не было единственной причиной, почему архіепископъ взялъ на себя защиту сочиненія Агриппы, по самой темѣ своей казавшагося въ ту эпоху подозрительнымъ. В. Б.

[2] «Сокровенная философія», безспорно, то сочиненіе, которое первое вспоминается при имени Агриппы; въ исторію онъ перешелъ скорѣе всего какъ авторъ этого трактата, въ теченіе двухъ столѣтій считавшагося основнымъ компендіумомъ всего, что относится къ магіи. Самъ Агриппа утверждалъ, что это—трудъ его юности, и что онъ рѣшился опубликовать это сочиненіе лишь потому, что въ публикѣ ходятъ искаженные и чужой рукой дополненные списки его. Едва ли это, однако, вѣрно. Дѣйствительно, около 1510 г. Агриппою было написано сочиненіе о «Сокровенной (оккультной) философіи», и рукопись его послана аббату Тритгейму. Однако, послѣ того сочиненіе подверглось самой радикальной переработкѣ. Въ одномъ письмѣ 1524 г. Агриппа прямо пишетъ, что прибавилъ къ своему труду цѣлый рядъ новыхъ главъ (Epist., III, 56). Въ 1527 г. Агриппа пишетъ Аврелію Аквапенденте, что надъ книгой предстоитъ еще большая работа (Epist., V, 14). Въ 1531—32 г. Агриппа снова видоизмѣнилъ свое сочиненіе (Epist., VI, 12; VII, 15). Причины, заставлявшія Агриппу выдавать свой трудъ за юношескую работу, достаточно явны. Съ одной стороны, то была осторожность: Агриппа предвидѣлъ преслѣдованія по обвиненію въ чернокнижіи. Съ другой стороны (что̀ было важнѣе), Агриппа, добросовѣстно излагая правила практической магіи, самъ въ нихъ не вѣрилъ. Для него занятія магіей были интереснымъ умственнымъ упражненіемъ, не болѣе, и онъ не желалъ, чтобы его друзья и соперники, изъ лагеря гуманистовъ, почли его «магомъ» въ выль-

Агриппа, опредѣляя магію, пишетъ, что это «совершеннѣйшее и высшее знаніе, самая возвышенная и самая священная философія, живое осуще-

гарномъ смыслѣ слова. Но была въ книгѣ и такая часть, въ которой Агриппа излагалъ свои подлинныя убѣжденія: это именно его «оккультная метафизика», занимающая почти всю первую книгу,—ученіе, до сихъ поръ, въ своихъ основныхъ чертахъ, раздѣляемое оккультистами всѣхъ странъ.—Самое изданіе шло крайне медленно. Книга печаталась одновременно въ Антверпенѣ у издателя Іоанна Сотера и въ Парижѣ у Христіана Вехеля. Къ февралю 1531 г. была отпечатана первая книга (изъ общаго числа трехъ) сочиненія и тогда же выпущена отдѣльно, въ обоихъ городахъ, и на этомъ изданіе временно пріостановилось. Въ концѣ 1531 г. Кельнскій издатель Петръ Квентель думалъ предпринять полное изданіе сочиненія Агриппы, но предпріятіе не осуществилось. Въ 1533 г. другой Кельнскій издатель, Гитторпій, приступилъ, наконецъ, къ этому изданію въ типографіи Іоанна Сотера. Изданію воспротивился Кельнскій инквизиторъ Конрадъ Ульмъ, но благодаря привилегіи, въ свое время полученной Агриппою, и защитѣ Генриха фонъ Вида, дѣло удалось довести до конца. Это изданіе существуетъ въ двухъ варіантахъ, отличающихся одно отъ другого поправками опечатокъ, украшеніями и отсутствіемъ, въ одномъ изъ нихъ, портрета Агриппы. Итакъ, мы имѣемъ слѣдующія изданія «Сокровенной философіи»: 1) Henrici Cornelii Agrippae ab Nettesheym «De occulta philosophia libri tres». Joan. Grapheus excudebat. Anno 1531 mense februario. Антверпенъ (одна I книга). 2) Henrici Cornelii Agrippae. «De occulta philosophia» liber primus. Parisiis excudebat Christianus Wechelus. Anno 1531. 3) Henrici Cornelii Agrippae ab Nettesheim. «De occulta philosophia» libri tres. Anno 1533, mense Julio. Безъ означенія издателя и мѣста изданія (Іоаннъ Сотеръ, Кельнъ). Изданіе въ двухъ варіантахъ, а можетъ быть, два отдѣльныхъ изданія.—При жизни Агриппы «Сокровенная философія» болѣе не переиздавалась. Послѣ смерти Агриппы, кромѣ перепечатокъ въ его Собраніи сочиненій (о чемъ см. ниже) «Сокровенная философія» появлялась отдѣльными изданіями въ 1541 г., безъ означенія мѣста изданія и издателя, въ 1550 г. въ Ліонѣ, у братьевъ Беринговъ, въ 1565 г. въ Ба-

ствленіе всѣхъ благороднѣйшихъ умствованій»[1]. Но изданіе этого сочиненія только отягчило положеніе философа. Его матеріальное положеніе и такъ было крайне зыбко: жалованье ему, какъ императорскому исторіографу, перестали выдавать со времени появленія въ продажѣ I выпуска «Сокровенной философіи»; медицинская практика стала невозможной въ силу враждебнаго возбужденія населенія; кредиторы осаждали его; помощи было ждать не откуда; его друзья были безсильны; на его книги былъ наложенъ арестъ; нетрудно было предвидѣть, что его романтическая жизнь должна окончиться тюрьмой. Такъ и случилось.

Утромъ, 21-го августа въ домѣ Агриппы появляются бельгійскіе стражники; они хватаютъ философа и

зелѣ, въ 1567 г. въ Парижѣ, у Ж. Дюпюи, безъ означенія года (1567?) въ Ліонѣ, и въ 1713 г. въ Ліонѣ. Французскій переводъ появился въ 1727 г. въ Гаагѣ, у Р. Ш. Альбера (перепечатанъ въ 1910—1911 г. въ Парижѣ у Шакорнака), англійскій въ 1651 г. въ Лондонѣ.—Въ 1565 г. отдѣльнымъ изданіемъ, безъ означенія мѣста изданія и издателя, появилась IV книга «Сокровенной философіи», содержащая практическіе рецепты по вызыванію демоновъ и нисколько не напоминающая по стилю первыя три. Всѣ авторитеты признаютъ эту IV книгу подложной. Она была переиздана отдѣльно въ 1567 г., тоже безъ означенія мѣста изданія и издателя, но еще въ годы своего перваго появленія, т.-е. въ 1565 г. присоединена къ тремъ первымъ книгамъ «Сокровенной философіи» въ Базельскомъ изданіи, и съ тѣхъ поръ стала входить во всѣ новыя ея изданія. Во французское изданіе «Сокровенной философіи» IV книга включена; на англійскомъ языкѣ IV книга была издана въ 1655 и 1665 г. В. Б.

[1] Haec perfectissima summaque scientia, haec altior sanctiorque philosophia, haec denique totius nobilissimae philosophiae absoluta consummatio. De occulta philosophia, I, 2. В. Б.

ведутъ по городу, среди толпы возмущенныхъ людей, не скупящихся на оскорбленія. Агриппу отводятъ въ брюссельскую городскую темницу. Подавленный своими несчастьями, Агриппа изъ заключенія сначала обращается съ мольбами къ Лаврентію Кампеджи, бывшему въ то время легатомъ Климента VII въ германскомъ сеймѣ. Но потомъ, глубоко чувствуя нанесенное ему оскорбленіе, Агриппа находитъ въ себѣ силы воспрянуть духомъ и вновь начать борьбу съ той энергіей и съ той прямотой, которая не покидаетъ его никогда, даже въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Агриппа принимается за составленіе исполненнаго негодованія обращенія къ своимъ судьямъ, въ которомъ онъ возстаетъ противъ незаконности своего ареста, говоритъ о чистотѣ своихъ намѣреній, язвительно бичуетъ своихъ враговъ и гордо учитъ своихъ судей тому, что такое правосудіе, котораго они не знаютъ. Такія діатрибы не могли улучшить судьбу Агриппы, и неизвѣстно, что бы съ нимъ сталось, если бы архіепископъ Кельнскій, которому была посвящена «Сокровенная философія», не вмѣшался бы въ это дѣло вмѣстѣ съ кардиналомъ Бергардомъ де-Маркомъ; вдвоемъ имъ удалось освободить Агриппу изъ тюрьмы.

XVI.

Во время пребыванія Агриппы въ заключеніи, онъ получилъ отъ Евстахія Шапюи, бывшаго императорскимъ посланникомъ въ Лондонѣ (Карлъ V поручилъ ему противодѣйствовать знаменитому разводу, занимавшему тогда всю Европу), письмо, въ которомъ этотъ дипломатъ снова обращался за помощью къ бойкому перу опальнаго философа для защиты Кате-

рины Арагонской. На этотъ разъ Агриппа, не знавшій куда дѣваться, радостно соглашается.

Выйдя на свободу, Агриппа тотчасъ же посылаетъ письмо императору, который не даетъ ему никакого отвѣта. Затѣмъ Агриппа шлетъ Эразму экземпляръ своего сочиненія «О недостовѣрности и тщетѣ наукъ и искусствъ», надѣясь на сочувствіе Эразма и полагая, что публичное одобреніе со стороны писателя, вызывающаго во всемъ мірѣ восторгъ и преклоненіе, послужитъ ему защитой отъ новыхъ преслѣдованій. Но знаменитый авторъ «Похвалы Глупости» прямо объявляетъ Агриппѣ, что «ему хочется жить спокойно, что его жизнь и безъ этого была слишкомъ бурной и что онъ не имѣетъ ни малѣйшей охоты снова браться для защиты посторонняго человѣка за литературную полемику, съ которой онъ выступалъ столько разъ, защищая себя и своихъ друзей, но въ которыхъ онъ не всегда выходилъ побѣдителемъ». По этому поводу Эразмъ напоминаетъ о печальной участи честнаго Бергуэна, сожженнаго въ Парижѣ за то, что онъ перевелъ одно изъ его произведеній. Утомленному борьбой Агриппѣ не приходится даже и посвятить свое перо Катеринѣ Арагонской: Евстахій Шапюи уже не заговариваетъ съ нимъ о своемъ предложеніи, и оно упраздняется само собой,—такъ, по крайней мѣрѣ, приходится судить по перерыву, наступившему въ перепискѣ двухъ друзей.

У Агриппы былъ другой могущественный покровитель въ лицѣ архіепископа Кельнскаго. Архіепископъ, дѣйствительно, приглашаетъ Агриппу къ себѣ[1],

[1] Въ письмѣ Агриппы къ Эразму, посланномъ изъ Кельна 17 марта 1531 г., сказано: «Я пробуду здѣсь еще мѣсяцъ, затѣмъ вернусь въ Брабантъ». Авт.

но мы очень мало что знаемъ о пребыванiи Агриппы въ Кельнѣ. Въ его перепискѣ съ кардиналомъ Кампеджи, Эразмомъ и однимъ изъ регенсбургскихъ друзей, Меланхтономъ, говорится лишь о спорахъ, которые ему приходится вести съ Лувэнскими «теософистами» изъ-за слишкомъ вольныхъ взглядовъ, изложенныхъ въ сочиненiяхъ Агриппы [1].

Агриппа не отказался, однако, отъ надежды, впрочемъ весьма естественной, на то, что ему удастся получить плату за услуги, оказанныя имъ въ качествѣ исторiографа и библiотекаря Маргариты Австрiйской и императора [2]. Агриппа настаиваетъ на этомъ, тѣмъ болѣе что «онъ весьма опасается своихъ кредиторовъ, мѣшающихъ всѣмъ его движенiямъ». Что касается его третьяго брака, заключеннаго въ городѣ Малинъ, то онъ нисколько не улучшилъ положенiя Агриппы, такъ какъ послѣ этого союза, мало удачнаго во всѣхъ отношенiяхъ, онъ сталъ еще бѣднѣе, чѣмъ прежде. Объ этомъ бракѣ даже не упоминается въ письмахъ Агриппы.

Лѣтомъ 1532 года, Агриппа снова на короткое время появляется въ Брабантѣ; затѣмъ въ сентябрѣ прiѣзжаетъ во Франкфуртъ, потомъ въ Боннъ, гдѣ и поселяется [3]. Въ этомъ городѣ Агриппа провелъ

[1] «Apologia adversus calumnias propter declamationem de vanitate scientiarum et excellentia Verbi Dei, sibi per aliquos Lovanienses theologistas intentatas» впервые издана въ 1533 г., безъ означенiя мѣста изданiя и издателя (Кельнъ). В. Б.

[2] См. Архивъ города Лилля, Comptes des finances, за 1532, folio 216. Авт.

[3] Въ большомъ домѣ, сохранившемся до нашихъ дней. Это послѣднее жилище Агриппы, которое намъ достовѣрно извѣстно (Epist. VII, 14, 15, 16, 18). Отсюда Агриппа снова переписывается съ Домомъ Лукою Бонфiемъ, секретаремъ кардинала Кампеджи, и также съ Домомъ Бернардомъ де-

большую часть трехъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни Живя тамъ, онъ дѣятельно занимается переизданіемъ своихъ произведеній, имѣющихъ шумный успѣхъ. Агриппа возлагаетъ большія надежды на эти новыя изданія, но онъ забываетъ принять въ расчетъ великаго инквизитора Конрада Ульма. Инквизиторъ налагаетъ запретъ на переизданіе произведеній Агриппы и причиняетъ ему вновь не мало тревогъ. Горячо протестуя противъ этого veto, Агриппа ссылается на имѣющееся у него письменное разрѣшеніе, скрѣпленное императорскою печатью: онъ обращается къ кельнскому сенатору съ умѣло и бурно составленной жалобой [1], являющейся, впрочемъ, лишь повтореніемъ фразъ, о которыхъ мы уже поминали. Кромѣ того, онъ шлетъ королевѣ Венгерской, Маріи, длинный докладъ [2], родъ панегирика своей собственной жизни, написаннаго имъ самимъ, въ которомъ онъ,

Палтринеріисъ, его майордомомъ (Epist., VI, 30; VII, 2, 3, 7, 8, 14, 15, 22). Авт.

[1] «Epistola apologetica ad clarissimum urbis Agrippinae Romanorum Coloniae senatum contra insaniam Conradi Coelin de Ulma, ordinis praedicatorii monachum». Ex Bonna 11 Januarii. Argentorati apud Petrum Schoeffer. 1535. В. Б.

[2] Цѣлью этого мемуара было—получить недоплаченное жалованье, которое слѣдовало Агриппѣ, какъ состоящему на императорской службѣ, и добиться отсрочки уплаты долговъ своимъ кредиторамъ. Но Агриппа воспользовался случаемъ, чтобы въ общихъ чертахъ изобразить всю свою жизнь, въ благопріятномъ для себя освѣщеніи. Онъ приложилъ къ мемуару письма Шапюи, и передалъ это все Крейттеру съ тѣмъ, чтобы онъ прочелъ королевѣ. Письмо къ Крейттеру и прошеніе къ правительницѣ Нидерландовъ не датированы, но мемуаръ и письма Шапюи написаны раньше Рождества 1532 г. См. Opera, II. Авт. — Мемуаръ озаглавленъ: Serenissimae principi Mariae Hungariae et Bohemiae reginae epistola. Opera II. В. Б.

съ величайшей дерзостью и не безъ нѣкотораго, порою возвышеннаго, краснорѣчія, выражаетъ свою глубокую преданность имперіи, говоря, что всю жизнь предпочитаетъ служить ей, несмотря на «исключительныя преимущества», которыя настойчиво предлагалъ ему французскій дворъ. Была ли королева тронута этими лицемѣрными жалобами? Во всякомъ случаѣ, она, какъ кажется, не пришла къ нему на помощь. И, повидимому, постоянные враги Агриппы, монахи, постарались настроить противъ него новую правительницу Нидерландовъ, какъ они сдѣлали это съ Луизой Савойской, съ Маргаритой Австрійской, съ императоромъ Фердинандомъ II «Католикомъ» и Карломъ Пятымъ.

Кельнскій архіепископъ, Германъ фонъ-Виде, къ которому Агриппа обратился за поддержкой въ своемъ спорѣ [1], не посмѣлъ вмѣшаться въ него, хотя и былъ однимъ изъ преданнѣйшихъ защитниковъ Агриппы. Агриппа обращался къ Эразму, но этотъ старый хитрецъ только посовѣтовалъ, съ дурно скрытой осторожностью, «отказаться отъ новыхъ непріятностей, если только еще есть время»; если же Агриппа уже настолько впутался въ это дѣло, что не можетъ его оставить безъ ущерба для своей чести и своего имени, Эразмъ совѣтовалъ ему «сражаться издали, какъ бы съ башни, и наносить удары болѣе мѣткіе». Потому ли, что Агриппа рѣшилъ послѣдовать этимъ совѣтамъ, или потому, что онъ чувствовалъ себя морально крайне утомленнымъ, только онъ, дѣйствительно, предпочелъ уклониться отъ борьбы. Онъ уѣхалъ изъ Бонна. Нѣсколько времени спустя, мы

[1] Переписка Агриппы съ Г. фонъ Бидомъ относится къ годамъ 1531—1533. Авт.

находимъ его возлѣ архіепископа Кельнскаго, на водахъ въ Вертрижи [1]. Этимъ мѣстомъ помѣчено послѣднее изъ его писемъ. Что же сталось съ нимъ дальше?

XVII.

Слѣдуя, вѣроятно дружескимъ, совѣтамъ, а можетъ быть, и чувству истинной симпатіи, которую онъ съ самой юности питалъ къ Франціи (гдѣ, между прочимъ, у него были родственники), Агриппа приходитъ къ гибельной мысли—вернуться въ Ліонъ. Это было все равно, что броситься очертя голову въ раскаленную печь. Правда, прошло не мало времени съ тѣхъ поръ, какъ своими ѣдкими сочиненіями, своими угрозами, злыми сатирами на дворъ Луизы Савойской, онъ навлекъ на себя во Франціи общую упорную ненависть. До нѣкоторой степени, Агриппа имѣлъ право считать эту ненависть, если не вполнѣ угасшей, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколько успокоившейся. Однако, на горе неудачника-философа, память объ этой ненависти, въ дѣйствительности, была еще жива. Едва Агриппа успѣлъ пріѣхать въ Ліонъ, какъ его взяли подъ стражу и бросили въ тюрьму. Только благодаря настойчивому вмѣшательству нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ, Агриппѣ удалось выйти на свободу.

Освободившись изъ тюрьмы, Агриппа удалился въ Гренобль, гдѣ и скончался внезапно въ 1535 году, 49 лѣтъ отъ роду, въ домѣ Франсуа де Вашона де ла Рошъ, бывшаго тогда предсѣдателемъ парламента въ Дофинэ. Его домъ стоялъ на улицѣ des Clercs.

[1] Иначе: Бертришѣ (Bertrich). Авт.

Такъ закончилась эта грустная жизнь разнообразнѣйшихъ приключенiй,—жизнь, вся прошедшая въ блужданiяхъ по свѣту, отъ одного королевскаго двора къ другому...[1]

Порицаемый одними, восхваляемый другими, несчастный писатель былъ благоговѣйно погребенъ въ церкви Братьевъ-Проповѣдниковъ. Въ 1562 году эта Гренобльская церковь была разрушена протестантами; но при жизни Ги Аллара, четырехугольная каменная плита еще указывала мѣсто, гдѣ былъ схороненъ другъ Эразма и Евстахiя Шапюи. Преждевременная кончина Агриппы создала немало самыхъ нелѣпыхъ легендъ, которыя были опровергнуты Бейлемъ и болѣе поздними бiографами, старавшимися выяснить истинный обликъ знаменитаго авантюриста. Намъ кажется, что этотъ обликъ скорѣе всего можно уяснить изъ обширной переписки Агриппы, что мы и пытались сдѣлать.

Что касается до его репутацiи чародѣя, то лучшей защитой ему могутъ послужить слѣдующiя слова другого философа, на котораго онъ походилъ характеромъ, приключенiями и идеями, Луцiя Апулея, прославленнаго автора «Золотого Осла»: «Я признаю, что человѣческая душа, особенно дѣтская и юношеская, можетъ быть, при помощи призыванiя заклинанiями и соблазна особыми запахами, усыплена и выведена изъ тѣла до полнаго забвенiя настоящаго; постепенно потерявъ память о тѣлѣ, она можетъ быть возвращена къ своей сущности, которая безсмертна и, слѣдовательно, божественна, и, въ такомъ состоянiи, какъ бы въ нѣкоемъ снѣ, предска-

[1] О смерти Агриппы см. подробнѣе ниже, въ нашемъ очеркѣ «Легенда о Агриппѣ». В. Б.

зывать будущее» [1]. Наука Апулея начинается тамъ, гдѣ кончается наука врача. Истинный взглядъ Агриппы на эти вещи чувствуется въ одномъ изъ его писемъ къ Аврелію д'Аквапенденте, въ которомъ онъ учитъ «не довѣряться книгамъ».

«О, какъ часто приходится читать,—восклицаетъ Агриппа,—о неодолимомъ могуществѣ магіи, о чудодѣйственныхъ астрономическихъ таблицахъ, о невѣроятныхъ превращеніяхъ, достигаемыхъ алхимиками, о знаменитомъ и благословенномъ философскомъ камнѣ, однимъ прикосновеніемъ котораго можно будто бы, подобно Мидасу, все въ одно мгновеніе превращать въ золото и серебро! Но все это оказывается пустымъ, выдуманнымъ и лживымъ, если принимать сказанное буквально. А вѣдь все это передается и пишется великими и прославленнѣйшими философами и святыми мужами, свидѣтельства которыхъ не всякій посмѣетъ назвать лживыми! Даже кажется нечестивымъ вѣрить въ то, что они въ указанныхъ сочиненіяхъ писали ложь. Но дѣло въ томъ, что въ писаніяхъ ихъ есть иной смыслъ, чѣмъ тотъ, который мы видимъ, принимая ихъ слова буквально: смыслъ, закрытый различными тайнами, и до сихъ поръ не раскрытый вполнѣ никѣмъ изъ учителей. Я сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь былъ въ силахъ проникнуть въ этотъ смыслъ, безъ помощи знающаго и добросовѣстнаго учителя, черезъ одно чтеніе книгъ, если только, конечно, онъ не просвѣтленъ свыше Божествомъ, что дается лишь очень немногимъ. Поэтому большинство работаетъ тщетно, стараясь проникнуть въ эти сокровеннѣйшія тайны

[1] Apul. Apologia. Переводъ цитаты сдѣланъ нами съ латинскаго подлинника. В. Б.

Природы, довольствуясь однимъ голымъ чтенiемъ книгъ... (Но, въ концѣ-концовъ) то, что осмѣливались обѣщать намъ наиболѣе смѣлые изъ математиковъ, наиболѣе значительные изъ маговъ, изучающiе Природу алхимисты и некроманты, имѣющiе дѣло съ низшими демоническими силами,—все это мы можемъ изслѣдовать и совершить, и притомъ безо всякаго грѣха, безъ оскорбленiя Божества, безъ преступленiя противъ религiи. Въ насъ самихъ, говорю я, скрытъ тотъ таинственный дѣлатель чудесъ:

Въ насъ, а не въ Тартарѣ онъ живетъ; не небесныя звѣзды,—
Духъ, обитающiй въ насъ, сильный, о н ъ чудо творитъ» [1].

[1] E p i s t., V, 14. Письмо помѣчено Лiономъ, 24 сентября 1527. А в т.—Это письмо принадлежитъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ во всей перепискѣ Агриппы, такъ какъ вскрываетъ его истинное мiровоззрѣнiе. Какъ видно изъ приведеннаго отрывка, Агриппа стоитъ на точкѣ зрѣнiя анимизма, противопоставляя ее—грубому магизму. Въ виду важности этой цитаты, мы сочли нужнымъ ее значительно дополнить по подлиннику, такъ какъ у Орсье приведено изъ этого письма лишь нѣсколько отрывочныхъ фразъ. В. Б.

ЛЕГЕНДА О АГРИППѢ.

СТАТЬЯ

ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА.

Современники знали Агриппу преимущественно какъ чародѣя. Съ ранней юности, за нимъ утвердилось имя «мага», и, надо сказать, что онъ и самъ не старался разрушить такого представленія. Хотя въ своихъ серьезныхъ сочиненіяхъ, онъ рѣшительно возставалъ противъ «оперативной магіи», но эти его книги были мало кому доступны. Большинство продолжало считать его чародѣемъ, и даже короли обращались къ нему съ просьбами о предсказаніяхъ. Изданіемъ «Сокровенной Философіи», въ истинный смыслъ которой не легко было проникнуть, окончательно было утверждено такое мнѣніе.

Это обстоятельство, въ связи съ особенностями жизни Агриппы, замкнутой, непосѣдливой, исполненной самыми разнообразными приключеніями, повело къ тому, что личность Агриппы оказалась окруженной цѣлымъ роемъ самыхъ фантастическихъ легендъ. Объ немъ разсказывали удивительныя вещи, къ нему относили басни, сложенныя про всѣхъ другихъ чернокнижниковъ, и не было такой нелѣпой исторіи, которой не дали бы вѣры, если она была примѣнена къ Агриппѣ. Агриппа, въ народномъ представленіи, долгое время оставался олицетвореніемъ чародѣя, и только слава Фауста (бывшаго, кстати сказать,

младшимъ современникомъ Агриппы), нѣсколько поколебала авторитетъ Агриппы, какъ мага.

Старые біографы Агриппы заполняли свои сочиненія преимущественно этими фантастическими легендами, пріурочивая ихъ, съ большей или меньшей возможностью, къ различнымъ эпохамъ жизни философа.

Вотъ нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ:

Генрихъ Говардъ, графъ Шерри, даровитый поэтъ, придворный Генриха VIII, короля англійскаго, оплакивалъ смерть своей горячо любимой жены, прекрасной Жиральдины, дочери лорда Кильдара. Говардъ обратился къ Агриппѣ съ просьбой вызвать ему духъ умершей. Чародѣй не отказался и показалъ Говарду ликъ его жены въ магическомъ зеркалѣ [1].

Во время испанскаго похода Антоніо де Лейва, Агриппа, участвуя въ его войскѣ, чародѣйствомъ способствовалъ, будто бы, успѣху всѣхъ предпріятій имперской арміи. Антоніо де Лейва послѣ того представилъ Агриппу Карлу V, и чародѣй осмѣлился предложить императору снабдить его большими средствами съ помощью магическихъ операцій. Конечно, Карлъ V съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе, и Агриппа долженъ былъ спастись бѣгствомъ отъ справедливаго гнѣва императора.

Часто, во время своихъ переѣздовъ, Агриппа расплачивался въ гостиницахъ деньгами, которыя имѣли всѣ признаки подлинныхъ. Конечно, по отъѣздѣ философа монеты превращались въ навозъ.—Одной женщинѣ Агриппа подарилъ корзину золотыхъ монетъ; на другой день съ этими монетами произошло

[1] Вальтеръ-Скоттъ воспользовался этой легендой въ своей балладѣ «The lay of fhe last ministrel.»

то же самое: корзина оказалась наполненной лошадинымъ навозомъ [1].

Во время пребыванія Агриппы въ Лувенѣ, одинъ изъ учениковъ философа проникъ, съ помощью его жены, въ его кабинетъ. Тамъ, пользуясь книгой магическихъ заклинаній, онъ вызвалъ демона. Но ученикъ не имѣлъ никакой власти надъ демономъ и тотъ въ ярости бросился на юношу и задушилъ его. Въ эту самую минуту Агриппа вернулся. Понявъ, что ему грозитъ обвиненіе въ убійствѣ юноши, Агриппа немедленно приказалъ демону войти въ тѣло убитаго и, выйдя изъ дому, отправиться на людную площадь. Тамъ демонъ покинулъ тѣло ученика, и оно пало на землю бездыханнымъ. Многочисленные же свидѣтели этого явленія могли подтвердить, съ полнымъ убѣжденіемъ, что бѣдный юноша умеръ скоропостижно и что Агриппа въ его смерти не повиненъ [2].

Разсказывали, что однажды Агриппа, читалъ лекцію во Фрейбургѣ въ 10 час. утра, и, въ тотъ же самый часъ, онъ же началъ чтеніе другой лекціи въ Понтъ-а-Муссонъ (Pont-à-Mousson, въ латинизированной формѣ Pontimussi), на разстояніи многихъ миль [3].

Агриппѣ приписывали способность вычитывать на дискѣ луны о событіяхъ, совершавшихся на всѣхъ концахъ свѣта, или получать объ нихъ свѣдѣнія черезъ своихъ домашнихъ демоновъ. Жанъ Виръ, ученикъ Агриппы, объясняетъ эту освѣдомленность гораздо

[1] Всѣ эти исторіи передаетъ Del Rio «Disquisitionum magicarum libri sex» lib. II, sec. I, quaestio XXIX. (Цитируемъ по изд. 1640, Venetiis; первое изд. книги появилось въ 1599 г.).

[2] Поводомъ къ этой легендѣ послужилъ случай съ Жаномъ Виромъ (см. выше, наше примѣчаніе въ гл. XIII).

[3] Это сообщаетъ Thévet въ книгѣ «les Vrais Portraits» онъ же повторяетъ многіе разсказы Дель-Ріо.

проще: обширной перепиской, которую велъ Агриппа съ учеными всѣхъ странъ.

Смерть Агриппы также окружена легендой.

Павелъ Іовій разсказывалъ, что у Агриппы была собака съ кличкой Monsieur, которая была не что иное, какъ демонъ, обращенный чародѣемъ въ образъ собаки. Чувствуя приближеніе смерти, Агриппа подозвалъ собаку къ своей постели, снялъ съ нея ошейникъ, на которомъ были кабалистическіе знаки, и сказалъ: «Поди прочь, проклятое животное, изъ-за тебя я погибъ!» Собака тотчасъ выбѣжала изъ дома, бросилась въ рѣку и утонула. Виръ объясняетъ, что Monsieur былъ самымъ обыкновеннымъ псомъ, такъ же какъ и другая любимая собака Агриппы съ кличкой Madame.

О смерти Агриппы историческія извѣстія современниковъ расходятся. Есть, напр., совершенно недостовѣрное извѣстіе (Thevet), будто онъ умеръ въ Ліонѣ. Оно опровергается категорическимъ свидѣтельствомъ Вира. Другіе біографы Агриппы (Jovius) говорятъ, что онъ умеръ въ Греноблѣ, въ гостиницѣ. Согласно изслѣдованіямъ Ги Аллара (Guy Allard, р. 1645 г., ум. 1716 г.) Агриппа умеръ (съ чѣмъ согласенъ и Орсье) въ Греноблѣ, въ домѣ Франсуа де Вашона. По изслѣдованіямъ же нѣкоего Шорье, жившаго одновременно съ Алларомъ, Агриппа скончался въ Греноблѣ, но въ другомъ домѣ, на улицѣ des Clercs, принадлежавшемъ тогда члену парламента Феррану, гдѣ въ 1457 г. умеръ извѣстный юристъ Ги Папъ [1].

Легенда объ Агриппѣ съ теченіемъ лѣтъ все разрасталась. Раблэ изобразилъ своего современника въ злой карикатурѣ, въ лицѣ шарлатана Her Trippa. Сирано де Бержеракъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ,

[1] Aug. Prost. «Corneille Agrippa», II,404—6.

заставлялъ даже духъ Агриппы творить чудеса[1]. Отголоски этихъ сказаній доходятъ до начала XIX вѣка.

Благодаря трудамъ новыхъ историковъ, личность Агриппы начинаетъ выходить изъ тумана долго окружавшей его легенды. Прочтя хотя бы біографическій очеркъ Орсье, уже нельзя видѣть въ Агриппѣ ни чародѣя, всю жизнь проведшаго въ общеніи съ нечистой силой, ни только шарлатана, тридцать лѣтъ морочившаго и простой народъ и королей хитрыми продѣлками и искусными фокусами. Мы знаемъ теперь не того Агриппу, которымъ пугали дѣтей въ XVI вѣкѣ, не чернокнижника, водящаго на привязи дьявола въ видѣ собаки, но Агриппу, неутомимаго трудолюбца, энциклопедически образованнаго ученаго, безстрашнаго и честнаго мыслителя, прекраснаго стилиста и язвительнаго памфлетиста.

Агриппа не былъ чуждъ предразсудковъ своего времени,—но кто же въ силахъ вполнѣ отъ нихъ освободиться?—Агриппа велъ жизнь искателя приключеній, былъ неуживчивъ, надмененъ, любилъ споры и не уступалъ своимъ противникамъ ни въ чемъ,—но таковъ былъ духъ эпохи, той славной эпохи, когда конквистадоры завоевывали Новый Свѣтъ, когда создавались новыя имперіи, когда жили Кортецъ и Бенвенуто Челлини. Желчность Агриппы, непримиримость его ненависти, искупались его нѣжной любовью къ женѣ, къ «ангелоподобной» Жаннѣ-Луизѣ, и къ семьѣ; нѣкоторое лицемѣріе, которое случалось проявлять Агриппѣ, его нѣкоторая неразборчивость въ выборѣ покровителей, оправдывается тяжелыми условіями его жизни, постоянной нуждой, доходив-

[1] Приведено у Colin de Plancy. «Dictionnaire Infernal», I, 41—46.

шей порой до нищеты, гоненіями со стороны сильныхъ враговъ, черной неблагодарностью, какой ему платили люди, пользовавшіеся его услугами. А всѣ «чародѣйства» Агриппы, право, искуплены его безпощадной критикой шарлатанства современныхъ ему маговъ и тѣмъ благородствомъ, съ какимъ онъ, рискуя собственнымъ благополучіемъ,—а, можетъ быть, и жизнью,—бросился на защиту бѣдной крестьянки изъ деревни Войпи, обвиненной въ колдовствѣ.

СОЧИНЕНІЯ АГРИППЫ И ИСТОЧНИКИ ЕГО БІОГРАФІИ.

Агриппа былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ писателей своего времени. Его книги, еще при жизни автора, появились въ нѣсколькихъ изданіяхъ и постоянно переиздавались послѣ его смерти. Большинство его сочиненій было вскорѣ послѣ ихъ появленій переведено на всѣ европейскіе языки. Въ теченіе трехъ столѣтій Агриппа почитался непререкаемымъ авторитетомъ, и длинный рядъ поколѣній искалъ въ его сочиненіяхъ отвѣта на величайшіе вопросы человѣческаго ума.

При жизни Агриппы были изданы слѣдующія его сочиненія, одинъ перечень которыхъ показываетъ, какъ разносторонни и всеоблемлющи были его понятія и интересы [1]:

1) О таинствѣ брака. (Латинскій текстъ и французскій переводъ, сдѣланный самимъ авторомъ.) Брошюра въ 36 стр. Ліонъ, 1526 г.

2) Астрологическія предсказанія. Брошюра. Ліонъ, 1526 г.

3) Собраніе маленькихъ трактатовъ: I) О благородствѣ и превосходствѣ женскаго пола; II) О чудодѣйственномъ словѣ, (De verbo mirifico); III) О таинствѣ брака (2-е изд.); IV) О троичномъ пути къ постиженію Божества; V) Опроверженіе языческаго богословія; VI) О первородномъ грѣхѣ; VII) Противъ вредныхъ ученій. 84 стр. Антверпенъ 1529.—Второе изданіе: Кельнъ 1532 г. Въ немъ, къ перечисленнымъ сочиненіямъ были присоединены: VIII) Двѣ рѣчи о монашескомъ житіи.

[1] Подлинныя латинскія заглавія большинства изъ нихъ (съ библіографическими данными), а также указанія на переводы этихъ сочиненій даны нами выше, въ примѣчаніяхъ.

4) Коронованіе Карла V. Антверпенъ 1530.—Второе изданіе: Кельнъ 1535 г. Во 2 изд. описаніе коронованія распространено и прибавлены стихотворныя эпиграммы Агриппы.

5) О недостовѣрности и тщетѣ наукъ и искусствъ. Книга въ 170 стр. Антверпенъ 1530.—Слѣдующія изданія въ 1531 (6 изданій въ одинъ годъ), 1532 (2 изданія) и около 1533—34 (2 изданія).

6) Сокровенная философія. Въ 3 книгахъ. Антверпенъ и Парижъ 1531 г. (первая книга). Кельнъ 1533 г. (всѣ три книги). Томъ въ 362 стр.

7) Надгробное слово Маргаритѣ Австрійской. Антверпенъ 1531 г.

8) Комментарій на Ars Brevis Раймунда Люллія. Кельнъ 1531 г.—Второе изданіе: Кельнъ 1533 г.

9) Апологія и жалоба противъ Лувэнскихъ богослововъ. Кельнъ 1533 г.

10) О единобрачіи пресвятой Анны. 1534 г.

11) Апологетическое письмо къ кельнскому сенату. Страсбургъ 1535.

Всего, при жизни Агриппы, появилось,—считая и переизданія,—двадцать шесть книгъ съ его именемъ: число не малое и для современнаго писателя.

Вскорѣ по смерти Агриппы было приступлено къ изданію полнаго собранія его сочиненій. Но, повидимому, впервые[1] это изданіе появилось лишь 15 лѣтъ спустя смерти философа, въ 1550 г., въ Ліонѣ, у издателей братьевъ Годефруа и Марселя Беринговъ:

Henrici Cornelii Agrippae ab Nettesheim, armatae militiae equitis aurati et iurius utruisque ac medicinae doctoris—Opera—in duos tomos. Lugduni, per Beringos fratres. 1550.

Это изданіе было повторено въ 1565 г. и послѣ того издавалось еще нѣсколько разъ, но прослѣдить всѣ его изданія затруднительно, такъ какъ издатели большею частью не помѣчали такихъ книгъ опредѣленными датами.

Въ это «Полное Собраніе» было включено многое изъ сочиненій Агриппы, что при его жизни не было напечатано, а, на-

[1] Существуютъ изданія Полнаго собранія сочиненій Агриппы съ датами 1531 и даже 1510 г., но эти даты—фиктивны. Сомнительно также изданіе, помѣченное 1535 г., годомъ смерти Агриппы. См. A. Prost, op. cit., II, 517—519.

чиная съ изданія 1565 г. въ него вошли также, какъ подложныя сочиненія Агриппы (напр., IV книга «Сокровенной философіи»), такъ и значительное число сочиненій его современниковъ, писавшихъ о магіи, въ томъ числѣ—Петра Абанскаго, Пикторія Виллиндгенъ, фонъ Герарда Кремонскаго, аббата Тритгейма и др.

Изъ сочиненій, безусловно принадлежащихъ Агриппѣ, въ «Собраніи сочиненій» мы находимъ, кромѣ 11 перечисленныхъ выше, слѣдующія:

12) Вступительная лекція о «Пимандрѣ» Гермеса Трисмегиста (1515 г.).

13) Рѣчь о «Пирѣ» Платона (1515 г.).

14) Вступленіе къ діалогу о человѣкѣ, какъ подобіи Божіемъ (1515 г.).

15—18) Четыре рѣчи, произнесенныя по разнымъ поводамъ въ Мецѣ (1518—1519 г.).

19) Антидотъ противъ чумы (1518—1519 г.).

20) Рѣчь, обращенная къ одному изъ родственниковъ, по поводу его вступленія въ число парижскихъ профессоровъ (1528).

21) Посланіе къ Максимиліану Трансильвану по поводу трактата о превосходствѣ женскаго пола (1529 г.).

22) Рѣчь о Іоаннѣ Датскомъ (1530 г.).

23) Начало исторіи Итальянской войны (1531 г.).

24) Мемуары, посланные Маріи Венгерской (1532—33 г.).

25) Полемическій трактатъ противъ братьевъ-проповѣдниковъ (1533 г.)

26) Предисловіе къ сочиненіямъ Годешалка Монкордія (1533 г.).

27) О монашескомъ житіи (годъ составленія неизвѣстенъ).

28) Разсужденіе объ обрѣтеніи останковъ святого Антонія (тоже).

29) Разсужденіе о правѣ (тоже).

30) Нѣсколько прошеній, поданныхъ Агриппою властямъ и судьямъ по поводу своихъ дѣлъ (1531—1534).

Къ этому списку надо присоединить многія предисловія и посвятительныя письма, которыми Агриппа сопровождалъ свои сочиненія и которыя часто являются самостоятельными трактатами. Нѣкоторыя письма Агриппы также въ сущности являются маленькими трактатами по различнымъ научнымъ вопросамъ. Наконецъ, мы достовѣрно знаемъ, что нѣкоторыя

сочиненія Агриппы не дошли до насъ[1] и мы имѣемъ лишь упоминанія объ нихъ въ перепискѣ философа.

Среди сомнительныхъ сочиненій, съ большей или меньшей вѣроятностью, Агриппѣ могутъ быть приписаны:

31) Трактатъ о геомантіи.

32) Сокращенная таблица къ Ars Brevis Раймонда Люллія.

33) Комментарій къ сочиненію Плинія младшаго о естественной исторіи міра.

Огюстъ Про, включая въ число сочиненій Агриппы всѣ, о которыхъ сохранились извѣстія и принимая за отдѣльныя сочиненія предисловія и посвятительныя письма, а также его эпиграммы, насчитываетъ восемьдесятъ произведеній, написанныхъ философомъ за его сравнительно короткую жизнь (онъ не дожилъ до 50 лѣтъ).

«Собраніе сочиненій» прибавляетъ къ этимъ трудамъ Агриппы драгоцѣннѣйшее дополненіе, въ видѣ собранія писемъ Агриппы и къ Агриппѣ, раздѣленное на 7 книгъ: Epistolarum ad familiares et eorum ad ipsum libri septem.

Въ это собраніе входило свыше 450 писемъ, дающихъ матеріалъ, исключительной важности для знакомства съ жизнью Агриппы, его воззрѣніями, его современниками и его эпохой. Эти письма еще разъ показываютъ намъ, какимъ неутомимымъ дѣятелемъ былъ Агриппа, въ теченіе всей жизни ведшій огромную переписку съ десятками людей по самымъ разнообразнымъ (большею частью научнымъ) вопросамъ. Разумѣется, далеко не всѣ письма Агриппы дошли до насъ и въ дѣйствительности его переписка была еще обширнѣе (нѣкоторые полагаютъ, что сохранились только письма, писанныя

[1] Таковы, напр.: Комментаріи на посланіе апостола Павла къ римлянамъ (1510 г.); рѣчь о богословіи (1510 г.); комментарій къ Сокровенной философіи (1515 г.); Діалогъ о человѣкѣ, какъ подобіи Божіемъ (1516 г.—сохранилось только вступленіе); комментарій къ «Пимандру» Гермеса Трисмегиста (1516 г.—сохранилось только вступленіе); рѣчи въ честь графа Савойскаго (1518 г.); Пиромахія, трактатъ объ огнестрѣльномъ оружіи (1526 г.); исторія войны съ турками (1532 г.—сочиненіе, повидимому, было только начато); трактатъ о добываніи металловъ; исторія царствъ (Regnorum omniam initia); разсужденія на богословскія темы (Placita theologica quae quodlibeta dicuntur), и др.

по латыни, а писанныя по-французски и по-нѣмецки были исключены изъ собранія).

Таковъ «литературный багажъ» великаго чародѣя XVI вѣка.

Первыми біографами Агриппы были его злѣйшіе враги, постаравшіеся все-таки очернить его память. Таково писаніе объ Агриппѣ извѣстнаго инквизитора, похвалявшагося, что онъ сжегъ на своемъ вѣку нѣсколько сотенъ людей, Дель Ріо. Жанъ Виръ тщетно защищалъ память своего учителя. Въ 1577 г. появилась книга Павла Іовія[1], въ которой впервые была дана біографія Агриппы и собраны всѣ легенды о немъ. Нѣсколько позже появилась книга А. Тевэ[2], повторившая ихъ съ новыми дополненіями.

Защиту Агриппы, послѣ Вира, взялъ на себя Г. Нодэ, издавшій въ началѣ XVII вѣкѣ книгу, въ которой хотѣлъ оправдать великихъ людей отъ обвиненія въ чародѣйствѣ[3]. Но Г. Нодэ, желая защитить Агриппу, выставляетъ его ловкимъ мошенникомъ, обманщикомъ и шарлатаномъ, пользовавшимся легковѣріемъ современниковъ. Гораздо серьезнѣе защита П. Фреера[4], опровергшаго многія изъ легендъ, сложившихся вокругъ имени Агриппы. Наконецъ, съ рѣшительнымъ опроверженіемъ ходячаго представленія объ Агриппѣ выступилъ «великій скептикъ» Бэйль[5].

Изслѣдованіями, касающимися отдѣльныхъ сторонъ жизни Агриппы, въ XVII вѣкѣ занимались еще Ги Алларъ и Шорье[6] и др. Въ XVIII вѣкѣ появилось два стоющихъ вниманія, сочиненій объ Агриппѣ: одно Равіуса, другое анонимное[7]. Оба не содержатъ ни новыхъ матеріаловъ ни особенно новыхъ то-

[1] Pauli Jovii Novocomensis episcopi Nucerini. Elogia virorum litteris illustrium. 1577.

[2] A. Thevet. Les vrais portraits et vies des hommes illustres. 1584.

[3] G. Naudé. Apologie pour tous les grands personnages qui ont été faussement soupsonés de magie. 1625.

[4] Pauli Freheri. Theatrum virorum eruditione clarorum. 1688.

[5] P. Bayle. Dictionnaire historique et critique. 1697.

[6] См. выше «Легенда о Агриппѣ», стр. 100.

[7] Ravius. Dissertatio de H. C. Agrippae eruditione portenti, vita, fatis et scriptis. Wittemb. 1726. — Agrippaeana oder H. C. Agrippa's merkwürdiges Leben und Schriften. S. l. 1722.

чекъ зрѣнія. Въ XIX вѣкѣ Агриппѣ посвятили статьи: Гизо, Гоферъ, А. Даге, Л. Шарвэ, Шпренгель и Теннеманъ, Монэнъ, Кизеветтеръ и др., разъяснившіе не мало спорныхъ вопросовъ въ біографіи философа[1].

Наконецъ, въ XIX вѣкѣ, появились два капитальныхъ труда, разработавшихъ біографію Агриппы согласно со всѣми новѣйшими требованіями исторической науки, одинъ въ серединѣ вѣка—англійскій, другой, въ концѣ вѣка—французскій:

H. Morley. The life of H. C. Agrippa von Nettesheim. London 1856. 2 vol.

Aug. Prost. Corneille Agrippa, sa vie et ses oeuvres. Paris 1881. 2 vol.

Особенно цѣннымъ мы считаемъ второе сочиненіе, дающее, кромѣ жизнеописанія Агриппы, подробное изложеніе его идей и рядъ экскурсовъ по различнымъ вопросамъ, связанныхъ съ біографіей философа.

Статья Жозефа Орсье, появившаяся въ «la Revue des Idees» 1910 г., дополняетъ эти изслѣдованія рядомъ мелкихъ деталей. Она основана почти исключительно на перепискѣ Агриппы, но мѣстами авторъ пользовался и неизданными архивными матеріалами (Лилля, Парижа и др. городовъ).

На русскомъ языкѣ мы не знаемъ никакихъ работъ о Агриппѣ, если не считать краткаго біографическаго очерка, принадлежащаго перу пишущаго эти строки и помѣщеннаго въ «Новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгаузъ-Эфрона.

Нельзя, однако, сказать, чтобы жизнь и характеръ Агриппы были теперь выяснены окончательно. Въ біографіи философа осталось еще не мало эпизодовъ, разъясненныхъ не достаточно; свидѣтельства современниковъ объ Агриппѣ еще никѣмъ не были разобраны во всей полнотѣ; изъ самихъ сочиненій Агриппы еще можно извлечь не мало данныхъ, объясняющихъ различныя событія его жизни. Еще больше остается сдѣлать для характеристики Агриппы. Замкнутый въ себѣ, не любившій излишней откровенности, порой сознательно высказывавшій мысли, которыхъ онъ не раздѣлялъ, Агриппа задалъ историкамъ трудную загадку, надъ разъясненіемъ которой еще предстоитъ потрудиться. Наконецъ, ученіе Агриппы, въ своей полнотѣ,

[1] Другія библіографическія указанія можно найти въ извѣстномъ трудѣ Эттингера: Oettinger, Bibliograhie biographique universelle. См. также Aug. Prost, op. cit., II, 535—36.

можетъ быть понято только изъ сопоставленія его съ ученіемъ оккультистовъ всѣхъ временъ, съ преданіями древняго Египта (сохранившими для насъ традиціи Атлантиды), съ эзотерическимъ ученіемъ орфиковъ, съ книгами Гермеса Трисмегиста, съ идеями нео-платониковъ, Прокла и ихъ единомышленниковъ, съ указаніями, разсыпанными у Горація, Овидія, Апулея, съ сочиненіями современниковъ Агриппы, напр. аббата Тритгейма и Парацельса, наконецъ, съ новыми трудами XVIII вѣка, каковы сочиненія Клода де Сенъ Мартена, Сенъ-Виктора и др. и XIX вѣка, каковы труды Фабра д'Оливэ, Станислава де Гуайта, Элифаса Леви, Мишеля Фиганьера, Сентъ Ива д'Альвейдра и др. Эта работа еще предстоитъ будущему, когда современная наука (а это неизбѣжно) своими путями и методами подойдетъ къ вопросамъ, занимавшимъ всѣхъ этихъ изслѣдователей, и пойметъ, какъ неосторожно она поступала, смѣшивая ихъ съ шарлатанами и чародѣями и цѣлыя столѣтія пренебрегая ихъ открытіями.

Валерій Брюсовъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Портретъ Агриппы на обложкѣ воспроизведенъ изъ «De occulta philosophia», изд. [Coloniae] 1533; портретъ въ книгѣ— изъ полнаго собранія его сочиненій, изд. per Beringos fratres, Lugduni, sine anno (конецъ XVI вѣка).

Цѣна 75 коп.

